

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
Крымское отделение Института Востоковедения НАН Украины

Византийский семинар
ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:
«империя» и «полис»

Севастополь, Национальный заповедник
«Херсонес Таврический»
25-31 мая 2009 г.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Севастополь
2009

ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» // Тезисы докладов и сообщений Византийского Семинара (Севастополь 25-31.05.2009)

*Издаются по решению Ученого Совета
Национального заповедника «Херсонес
Таврический»*

Организационный комитет и Редакция:

АЙБАБИН АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, профессор, доктор исторических наук, руководитель Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины (Симферополь) - ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

АЛЕКСЕЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, dr. (Paris IV-Sorbonne), заведующий филиалом Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь) - КООРДИНАТОР

АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, профессор, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий специалист Института Всеобщей истории РАН (Москва)

БИБИКОВ МИХАИЛ ВАДИМОВИЧ, член корреспондент РАН, заместитель директора Института Всеобщей истории РАН (Москва)

ИВАКИН ГЛЕБ ЮРЬЕВИЧ, член корреспондент НАНУ, заместитель директора Института археологии НАН Украины (Киев)

СТЕПАНЕНКО ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков Уральского государственного университета (Екатеринбург)

ЯШАЕВА ТАТЬЯНА ЮСУФОВНА, заведующая отделом Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь) - СЕКРЕТАРЬ

© Коллектив авторов (2009)

© Национальный заповедник
«Херсонес Таврический»

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСЕЕНКО Н.А. (Севастополь) Архонтия и стратегия Херсона: номенклатура и статистика по данным печатей	
АФИНОГЕНОВ Д.Е. (Москва) Еще одна версия Жития Филарета Милостивого?	
БАРАБАНОВ Н.Д. (Волгоград) Наследие Иосифа Вриенния и проблема «Народной Религиозности» в Византии	
БЕРНАЦКИ А. Б. (Познань) К вопросу об окончательном этапе обработки архитектурных деталей из проконесского мрамора в Херсонесе Таврическом	
БУТЫРСКИЙ М.Н. (Москва) Новые находки византийских печатей на Украине	
ГАЙДУКОВ Н.Е. (Москва) Пещерные храмы Капподокии: наброски к типологии	
ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. (Симферополь) Октагональная церковь Мангупского городища по данным новейших археологических исследований: планировка, стратиграфия, хронология	
ГОЛОФАСТ Л.А. (Москва) К вопросу о торговых связях Херсона в XIII в. (по данным поливной керамики и стеклянных изделий)	
ГУРУЛЕВА В.В. (Санкт-Петербург) Закономерности и особенности монетного обращения в византийском Херсоне	
ЕВДОКИМОВА А.А. (Москва) Византийские системы акцентуации на материале акцентуированных надписей	
КЛЕНИНА Е.Ю. (Севастополь) Особенности городской жилой застройки византийского времени (IX-XIV вв.) в западной части Херсонеса	
КУРЫШЕВА М.А. (Москва) Южно-итальянские греческие рукописи X в. и Константинопольская традиция	
КУЩ Т.В. (Екатеринбург) Брак в оценке императора Мануила II Палеолога: политический аспект	
МАЙКО В.В. (Судак) О времени появления элементов «афонского» погребального обряда в юго-восточной Таврике	

- МАКСИМОВИЧ К.А.** (Москва) «Имперская» и «полисная» идеология в ранней Византии (на материале «Учительных Глав» Агапита Дякона)
- МОХОВ А.С.** (Екатеринбург) Балканская фема Сервия (к вопросу о «малых» византийских фемах в конце X – начале XI в.)
- МУСИН А.Е.** (Санкт-Петербург, Россия) Новые находки херсоновизантийских монет в Древней Руси и особенности взаимоотношений культурного центра и периферии
- НИКИФОРОВ М.А.** (Симферополь) К вопросу о дате учреждения византийской фемы в Крыму
- СЕДИКОВА Л.В.** (Севастополь), **РАБИНОВИЦ А.** (Остин) К вопросу о политической ситуации в Херсонесе во второй четверти XIII в.
- СИДОРЕНКО В.А.** (Симферополь) Клады монет, связанные с пребыванием в Таврике римского воинского контингента
- СТЕПАНЕНКО В.П.** (Екатеринбург) Ферс Цоцикий, антипат, патрикий и стратиг Каппадокии
- СТЕПАНОВА Е.В.** (Санкт-Петербург) Церковные иерархи Фессалоники (по данным печатей собрания Государственного Эрмитажа)
- ХРАПУНОВ Н.И.** (Симферополь) Византийские архонты Херсона в VIII–IX вв.
- ШАМАНАЕВ А.В.** (Екатеринбург) Вопросы истории Византии в «Записках Одесского общества истории и древностей»
- ЯШАЕВА Т.Ю.** (Севастополь) Храм на Девичьей горе в свете последних археологических исследований

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь)

**АРХОНТИЯ И СТРАТИГИЯ ХЕРСОНА:
НОМЕНКЛАТУРА И СТАТИСТИКА ПО ДАННЫМ
ПЕЧАТЕЙ**

Проблемы становления и развития номенклатуры административного управления византийского Херсона постоянно находились в сфере интересов многих исследователей, занимающихся изучением самых различных вопросов как по истории средневековой Таврики, так и самой Византийской империи.

Основными источниками в этом направлении являлись немногочисленные отрывочные свидетельства древних авторов, памятников эпиграфики и сфрагистики.

До недавнего времени мы имели возможность представить лишь общую и зачастую фрагментарную картину чиновничьего управленческого аппарата, существовавшего в Херсоне в тот или иной период, что естественно порождало различные теории о специфике и развитии местной бюрократической машины. И лишь благодаря появлению все новых и новых находок моливдовулов, в особенности обнаружению целого комплекса печатей, стало возможным приблизиться к решению этой проблемы и ответить на некоторые спорные и особо важные вопросы.

Для решения некоторых задач, например, таких как численный состав местного аппарата, его коллегиальность, сроки службы тех или иных представителей власти и т.п., неocenимую роль на наш взгляд имеет один из методов исследований, ранее практически не использовавшийся из-за недостаточности информации: статистический анализ имеющихся у нас данных. Заметим также, что для получения по возможности максимально полной информации, содержащейся на моливдовулах, исключительное значение имеет еще один метод, из другой родственной сфрагистике дисциплины – нумизматики, метод сравнительного (штемпельного) анализа, благодаря которому не

только устанавливается тождественность тех или иных изображений, но и поддаются реконструкции утраченные легенды.

В настоящее время для проведения таких исследований есть все основания. В нашем распоряжении около 400 печатей представителей местной администрации. Заметим, что среди византийских провинциальных центров Херсон здесь является бесспорным лидером (Ср.: для Фессалоник известно лишь около 150 моливдовулов, а для более мелких центров это количество ограничивается как правило 20-30 экземплярами или и того меньше).

Чиновничий аппарат Херсона на моливдовулах в настоящее время представлен девятью должностными лицами: архонт, кир, стратиг эк просопу, коммеркиарий, нотариий, екдик, патер полиса и протевон.

Как известно самыми ранними печатями херсонских администраторов являются моливдовулы *архонтов*, отдельные из которых относятся к VIII в. До настоящего времени нам удалось собрать сведения о 114 экз. К ним сегодня можно добавить еще 7 экз. из новых находок, пять из которых происходят из комплекса херсонского архива. Все они принадлежат уже известным парам матриц, являясь дублетами булл ранее известных архонтов.

Штемпельный анализ матриц печатей архонтов, показывает, что они происходят от 23 пар матриц, отдельные из которых представлены сериями по десять и более экземпляров. Причем для отдельных персонажей (ипат Зоил, имп. стратор - имп. спафарий Константин, имп. спафарий Григора и др.) можно выделить даже по две-три серии булл. В тоже время выявлено только восемь имен херсонских архонтов (Феодот, Савва, Зоил, Евстафий, Григора, Константин, Григорий, и Лев). На данный момент, учитывая данные штемпельного анализа мы определяем число архонтов Херсона не более 10-12 человек.

К наиболее ранним функционерам относятся и *киры* Херсона. Количество их печатей весьма незначительно – 5 экз, все они относятся ко времени рубежа VIII/IX вв. и происходят от трех пар матриц. По именам известны лишь три персонажа: Исаак (1), Лев (2) и Зоил (2). Здесь небезынтересно сравнение печатей с именем Зоила с буллами равного по рангу одноименного архонта. Не исключена их принадлежность одному персонажу, который кроме должности местного архонта какой-то срок еще исполнял обязанности кира Херсона.

Более широкий ассортимент чиновничьих постов дает нам - фемный период. Наиболее многочисленны моливдовулы глав византийской администрации – *стратигов*. К настоящему времени мы располагали сведениями о 118 экз. Сегодня в эту группу можно включить еще 8 экз. Два из них представляют ранее неизвестных персонажей. Также как и в случае с архонтами не смотря на то, что значительное количество моливдовулов стратигов представлено лишь одним-двумя экземплярами для отдельных персонажей можно выделить по две-три серии булл, насчитывающих по несколько булл. Для общего числа печатей стратигов мы выделяем 67 пар штемпелей. По сравнению с архонтами имена стратигов более многочисленны и разнообразны - их 18 (Фока, Константин, Никифор, Феофан, Иоанн, Арсабир, Николай, Сергей, Лев, Георгий, Феодор, Михаил, Епифаний, Феодосий, Фома, Димитрий, Никита и Григорий). Отдельные из них отождествляются с известными историческими персонажами (Иоанн Протевон, Михаил Херсонит, Георгий Цула). Принимая во внимание характерные особенности отдельных экземпляров и их датировки известные нам моливдовулы стратигов Херсона следует отнести как минимум к 25-30 персонажам.

Еще одна должность - *ek prosopou* Херсона. Печати этого чиновника так же как и киров немногочисленны – их 6. Но что примечательно все шесть экз. принадлежат одной паре матриц, а, следовательно, и одному единственному владельцу - спафарокандидату Сергию. Относятся они к периоду конца IX - начала X в. Очевидно, что для введения должности *ek prosopou* в Херсоне должна была возникнуть некая экстраординарная ситуация (отсутствие стратига или финансовая инспекция и т.п), которая требовала особых полномочий специального чиновника.

Третьими по количеству среди печатей Херсона являются моливдовулы таможенных чиновников – коммеркиариев. Еще один новый экземпляр доводит их число до 67 экз. Печати коммеркиариев представлены 30 парами штемпелей. На них зафиксировано 7 имен (Иоанн, Василий, Сергей, Георгий, Фотин, Дамиан и Константин). Причем абсолютное большинство принадлежит буллам с именем Сергей – 28 экз.

Менее массово представлены другие функционеры херсонской администрации.

За всю историю исследований византийского Херсона лишь благодаря последним находкам в оборот вошла должность *протонотария*. Эти редкие печати (2 экз.), датируемые второй половиной X в., представлены двумя парами штемпелей. Они свидетельствуют о том что в этот период Херсон, вошел в подчинение инспекции секрета Манган, а это соответственно, могло предполагать и определенные налоговые привилегии, наличие которых, могло освобождать город от каких-либо других чиновников фискальной службы империи (во второй половине X в. исчезают печати коммеркиариев Херсона).

Единичными экземплярами представлены и печати спафария Цулы (2 экз.), по статусу которого до сих пор еще нет единого мнения у исследователей.

Находки последних лет в какой-то мере приоткрыли завесу таинственности в отношении местного чиновничьего аппарата Херсона.

Уникальная печать *патера полиса* Сергия (первая половина X в.) материализовала пост известного ранее только по письменным источникам городского головы Херсона и тем самым позволила рассмотреть вопросы взаимоотношений местных органов власти с имперскими официальными службами.

Кроме того сегодня мы имеем небольшую серию из 4-х мольдвулов еще одного ранее неизвестного функционера Херсона - *эдикта* Никифора. Все его печати принадлежат одной паре матриц и датируются концом IX – началом X в. Появление этой должности в местном бюрократическом аппарате лишний раз подтверждает существование определенного компромисса в административной системе Херсона и возрождения здесь института кураторов города на рубеже IX/X вв.

Более представительны в этом разряде чиновников только печати *протевонов* «первенствующих». – 11 экз. Все они принадлежат второй половине X – рубежу X/XI вв и происходят от шести пар матриц. На печатях представлено лишь три имени (Михаил, Иоанн и Калокир). Стилистические особенности печатей позволяют предположить, что для этой группы херсонских чиновников мы имеем не более 4-5 исполнителей должности. Число их известных печатей и определяемое нами количество кандидатов на должность, равно как и само значение термина, на наш взгляд ставит эти должностных

лиц в разряд высших руководителей Херсона, аналогично патеру полиса и экдику.

Последняя группа печатей владельцы которых, так или иначе имели непосредственное отношение к местному управлению, хотя их и нельзя отнести к категории византийских чиновников это - служители церкви.

Священнослужители Херсона также представлены не очень многочисленным числом моливдовулов – 12 экз. За единственным исключением (печать епископа Захарии VIII в.) на них представлены только архиепископы. Абсолютное большинство печатей датируется второй половиной X в. По одному моливдовулу относится к VIII и XI вв.; две печати принадлежат IX в.

Таким образом, рассмотрев памятники сфрагистики византийского Херсона VIII-XI вв., иллюстрирующие структуру его административного в этот период, мы можем констатировать, что на современном этапе Херсон предстает перед нами как типичный провинциальный византийский город, с развитой административной системой хотя и не лишенной некоторой специфики и своеобразия.

Суммируя полученные сведения, с определенной уверенностью можно утверждать, что административное устройство Херсона на протяжении VIII - середины IX вв. представляется в виде малого военно-административного округа - архонтии, главой которого являлся византийский чиновник-архонт, в основном выдвигавшийся на свой пост из среды местной аристократии. Не исключено, что на каком-то этапе хазаро-византийских отношений его должность была заменена киром, а затем вновь во главу управления был возвращен архонт (если не рассматривать должность кира как аналогичную патеру полиса). Данные сфрагистики не дают возможности говорить о коллегиальности должности архонтов.

Дальнейшая трансформация административной системы из архонтии в фему Херсон привела к изменению статуса округа, приравняв его к повсеместно утвердившемуся в это время стандартному элементу фемного строя - стратигии. В провинции утвердились новые официальные государственные служащие – стратиг, коммеркиарий, нотариус, эк просопу, хорошо известные и в других регионах империи. В тоже время в Херсоне возрождается институт кураторов города

представители которого патер полиса, экдик и протевон, являясь одновременно и государственными служащими, наряду с имперскими властями руководили жизнью городской общины, а последние даже удостаивались высоких придворных чинов, позволяющих поставить их в один ряд с руководителями фемной администрации Херсона.

Д.Е. АФИНОГЕНОВ
Институт Всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)

ЕЩЕ ОДНА ВЕРСИЯ ЖИТИЯ ФИЛАРЕТА МИЛОСТИВОГО?

Один из самых интересных византийских агиографических текстов, Житие св. праведного Филарета Милостивого, отца Марии Амнийской, первой жены императора Константина VI, существует, как известно, в нескольких версиях. Одну из них, представленную кодексом Paris. gr. 1510, X в., опубликовал А.А. Васильев (Житие Филарета Милостивого // ИРАИК, 5, 1900, с. 49-86). Другая, которую ученые считают первоначальной, недавно появилась в новом издании покойного Л. Рюдена (Rydén L. *The Life of St Philaretos the Merciful Written by His Grandson Niketas. Uppsala, 2002*). Одно из наиболее ярких отличий между этими двумя версиями заключается в жанровом определении: текст Рюдена озаглавлен Βίος καὶ πολιτεία, а текст Васильева – Διήγησις πάντο ὠφελῶς, то есть характеризуется как душеполезная повесть. Васильев при этом замечает: «Древне-русские переводные списки жития восходят к XV веку; последние не лишены искажений и пропусков и не могут вполне заменить подлинника» (с. 50). Между тем, как известно, наше Житие, и именно с заголовком Διήγησις, содержится в знаменитом Сильвестровском сборнике XIV в. (см. Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский сборник XIV в. / изд. И.И. Срезневский. СПб, 1860), на л. 33-55. Эта версия и бытовала в составе русских четких миней, восходящих, согласно нашим исследованиям, к студийскому минологии начала X в. Сопоставление текста Сильвестровского сборника с некоторыми другими рукописями (напр., собр. Егорова, РГБ, ф. 98, № 279, сер. XV в.) показывает, что Сильвестровский сборник может содержать уже искаженные чтения (например: онъ домъ Ег. ѿтень домъ Греч. πατρῶν οἴκον. Следовательно, Сильвестровский сборник представляет лишь одну из ветвей широкой рукописной традиции.

Некоторые чрезвычайно любопытные наблюдения могут быть

сделаны при сопоставлении славянского текста и греческой версии А.А. Васильева. Предполагаемый греческий оригинал первого не может быть признан идентичным последней. Более того, возникают интересные вопросы об их соотношении. Один показательный пример: там, где во всех греческих версиях говорится, что Бог перестал воздавать Филарету за благодеяния «сторицею» (ἕκατονταπλασίονα), в славянском стоит «двоичь и троичь». С чисто текстологической точки зрения последнее чтение следует признать первоначальным, исходя из семантической стертости выражения «сторицею» (как и в русском языке). Так или иначе, ясно, что необходимо провести новый тщательный анализ всех имеющихся греческих версий в сравнении со славянским текстом.

Н.Д. БАРАБАНОВ

Волгоградский Государственный университет
(Волгоград, Россия)

**НАСЛЕДИЕ ИОСИФА ВРИЕННИЯ
И ПРОБЛЕМА «НАРОДНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ» В
ВИЗАНТИИ**

Монах Иосиф Вриенний (ок. 1350 – ок. 1431 гг.) – заметная фигура в истории поздневизантийской церкви. Должности, которые он занимал в константинопольском патриархате и при императорском дворе, миссии, которые он исполнял на Кипре и на Крите, а также деятельность в столице, свидетельствуют об его активном участии и в политической, и в церковной жизни византийского общества. Переменчивая судьба заставляла инока постоянно быть в гуще событий, и соответственно иметь обширный круг общения. По этой причине Вриенний обладал уникальной степенью информированности о положении дел в обществе и церкви, как в центре империи, так и на ее окраинах. Для нас особенно важно то, что его наблюдения, прямые свидетельства очевидца, нашли отражение в изрядном количестве сочинений, среди которых богословские и полемические трактаты, проповеди и письма (наиболее полный в настоящее время перечень опубликованных и неопубликованных трудов Вриенния, а также посвященной ему библиографии см.: Исихазм. Аннотированная библиография. Под ред. С.С. Хоружего. М., 2004, с. 469-471). Изучение данного наследия неизбежно приводило к тому, что в центре внимания исследователей оказывался сам Иосиф Вриенний, его богословские и общественно-политические воззрения. Однако труды мыслителя представляют большой интерес и тем, что содержат в себе описание конкретных реалий византийской истории и повседневного бытия ромеев. В частности, в нескольких творениях инок затрагивал тему религиозного сознания и поведения своих современников, что позволяет нам рассмотреть сохранившиеся данные в контексте темы заявленной в названии доклада.

Проблема «народной религиозности» или «народной религии»

(folk religion, religiöse Volkskunde, religion populaire) является дискуссионной как на уровне терминологическом, так и содержательном. В данной ситуации достаточно отметить, что изучение проблемы не может быть ограничено фиксацией свидетельств длительного сохранения в массе рядового населения рудиментов язычества, различных пережитков и суеверий. Требуется анализ сложного процесса взаимодействия верований, имеющих различное происхождение, а также результата этого процесса – того особенного вероисповедного сплава, который можно именовать народным православием. Поскольку благочестие и христианское рвение большинства византийцев вряд ли могут быть поставлены под сомнение, необходимо подчеркнуть, что суть задачи видится совсем не в том, чтобы выявить языческие истоки тех или иных ритуалов и верований, а в том, чтобы понять специфичность всего комплекса религиозности и его функционирование.

Сведения о религиозном состоянии общества и о положении дел в церкви рассыпаны по многим произведениям Иосифа Вриенния, но особое внимание он уделил данному сюжету в «Прощальном слове критянам», в «Третьей речи по поводу Спасительного Распятия от 14 апреля 1419 г.», а также в «Сорока девяти главах», которые представляют собой сокращенное собрание его миссионерских проповедей. В указанных творениях автор стремился доказать пастве, что главной причиной бедствий, переживаемых византийцами, является их собственная греховность и многочисленные отклонения от норм христианской веры. Он находил серьезные недостатки в служении клира и в поведении монашества, но особенно сурово и эмоционально критиковал рядовых верующих. Как строгий ревнитель чистоты Православия инок создал перечень недопустимых, по его мнению, явлений в жизни христиан. В него вошло сорок пунктов, которые в совокупности составляют яркий очерк религиозной этнографии Византии первой половины XV в. Данный материал лишен риторических преувеличений и легко подвергается проверке свидетельствами других источников. Приводимые Вриеннием факты подвергнуты систематизации и включены в общий фонд сведений о народной религиозности византийцев. Так, к примеру, большое внимание им было уделено увлечению ромеев *мантикой* в

форме гадания по частям тела, на ячмене, по полету и крику птиц и толкования сновидений. Отмечены также составление прорицаний, занятия астрологией и ежедневные обращения к волхвам и предсказателям. Вриенний зафиксировал устойчивое сохранение магических действий, совершаемых для плодородия полей, приплода и здоровья скота, удачной охоты, обильного урожая виноградников. Не ушли из календаря византийцев и праздники языческого происхождения, отмечаемые с присущими им ритуалами, карнавальными обрядами и прыганием через костры. Вриенний знал об активном использовании амулетов и талисманов, о продолжающемся поклонении дубравам и о сохранении верования в населяющих море nereid. Перечисленные, а также многие другие приведенные в трудах инок сведения, могут быть сопоставлены с соответствующими материалами из канонов Трулльского (5-6-го) собора, из сочинений Феодора Вальсамона, из судебных постановлений патриаршего синода, из разделов номоканонов и исповедальных вопросников. Кроме того, роль многих явлений из религиозной жизни византийцев может быть понята более глубоко с помощью данных греческой этнографии периода туркократии и XIX-XX вв. **В этой общей массе данных ценность свидетельств из наследия Иосифа Вриенния видится в том, что они позволяют видеть в изучаемой теме не совокупность случайных разрозненных девиаций в сознании и поведении, а гармоничный мифо-ритуальный ансамбль, каковым и являлось византийское народное христианство.**

А. Б. БЕРНАЦКИ
Университет им. А. Мицкевича
(Познань, Польша)

**К ВОПРОСУ ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБРАБОТКИ
АРХИТЕКТУРНЫХ ДЕТАЛЕЙ ИЗ ПРОКОНЕССКОГО
МРАМОРА
В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ**

Изучение архитектурных деталей и элементов из сакральных сооружений Херсонеса Таврического, особенно на этапе их анализа, создания классификации и типологических рядов, даёт возможность определить отдельные этапы производства. Это особенно существенно, поскольку часть работ осуществлялась на территории каменотесных мастерских, расположенных на о. Проконес или в Константинополе.

Подавляющее большинство баз, обнаруженных на территории Херсонеса, представлено исключительно III-м этапом обработки каменотесов. В таком виде базы транспортировались морским путем с о. Проконес или из Константинополя. 54 экземпляра относятся к транспортному варианту III.A. Базы варианта III.B представлены лишь 12 экземплярами.

Отказ от последнего этапа обработки деталей было спровоцировано, вероятно, отсутствием достаточного числа квалифицированных каменотесов, в том числе местного происхождения. Мастера-каменотесы не имели возможности самостоятельно выполнить окончательную обработку всех необходимых для интерьера храма архитектурных деталей и элементов, а также не имели времени на обучение местных ремесленников секретам своего дела. Отказ от завершающего этапа обработки баз под стволы колонн является в определенном смысле оправданным, поскольку эти архитектурные элементы в структуре целой колонны, а, особенно, системе колоннады между нефами в интерьере храма в целом, менее всего видимы для прихожан. Находившиеся в колоннаде на стилобате под стволами колонн, которые были увенчаны капителями с импостами, базы

являлись деталями второго плана и не влияли на ощущение общей гармонии, красоты и эстетики интерьера храма. Отсутствие обработки особенно было приемлемо в случае, когда в пространствах интерколумний между нефами, как, например, в Базилике 1935 г. или Уваровской базилике, находились мраморные плиты балюстрад, которые отделяли центральный от боковых нефов. Система монтажа этих плит была основана на точном подгоне в стык к базам и нижней части стволов колонн. Это достигалось с помощью специально обработанных и подогнанных вырезков-лож, сделанных в нижних углах плит. Смонтированные таким образом плиты уменьшали до минимума видимые для прихожанина поверхности баз, находящихся в колоннаде между нефами базилики. Кроме отсутствия окончательной обработки, основные конструкционные функции базы были полностью реализованы.

Вставая перед необходимостью выбора «меньшего зла» и отказом от завершающей обработки части архитектурных деталей, базы колонн были в данном случае наиболее приемлемым выбором с наименьшими последствиями, которые могли отразиться на законченном, полном образе и эстетичной акцентации интерьера храма.

Н. Асгари, изучая этапы обработки коринфских капителей, опиралась на детальный анализ сохранившихся экземпляров, обнаруженных на территории каменоломен и мастерских на о. Проконес (совр. г. Сарайляр, Турция). 12 фаз обработки коринфских капителей каменотесами были сгруппированы в этапы I-VI. Исследовательница утверждает, что все капители 9 фазы обработки обнаружены исключительно на территории каменоломен о. Проконеса. Капители 10-12 фаз обработки зафиксированы только в непосредственной близости от порта на территории современного г. Сарайляр. Н. Асгари обращает внимание на ещё одну существенную подробность, а, именно, на то, что среди 31 экземпляра капителей в различных фазах обработки, открытых на о. Проконес, 10-12 фазы представлены только тремя находками (Asgari 1988: 117). Такое незначительное количество капителей в последних фазах обработки можно объяснить тем, что после завершения их немедленно отправляли заказчику. Существует, однако, и другая возможность интерпретации. Отсутствие капителей последних 10-12 фаз обработки указывает на то, что их

выполняли не в мастерских о. Проконес, а она происходила после доставки полуфабрикатов заказчику на место предназначения. Выполняли её высокого класса каменотесы, специально прибывшие вместе с транспортом архитектурных деталей и элементов морским путем к пункту назначения. Их присутствие гарантировало также правильное проведение выгрузки с судна на берег после прибытия заказанных архитектурных деталей и элементов к месту назначения. Эти каменотесы не только самые изготавливали особенно трудные и сложные в техническом отношении архитектурные детали как, например, коринфские капители, но и одновременно руководили группой местных ремесленников, делавших завершающую обработку менее сложных элементов интерьера, в том числе междунэфных плит балюстрад, алтарных преград, а также стволов колонн и оконных импостов. Среди архитектурных деталей и элементов, обнаруженных в Херсонесе Таврическом, были зафиксированы и другие примеры, подтверждающие наше предположение. К ним относятся, например, коринфские капители, происходящие из Базилики 1935, композитно-феодосийские капители, а также четырехлистные коринфские капители. Среди некоторых типов архитектурных деталей и элементов существует некоторое количество экземпляров, на которых можно обнаружить следы, свидетельствующие об изменении первоначального плана или отказе от дальнейшей обработки, авторами которых были каменотесы, выполнявшие завершающую фазу декоративной обработки, на месте. Подтверждением такого положения вещей являются, например, большинство баз колонн, некоторые плиты балюстрад интерколумний, алтарных перегад и, особенно, *transennae*.

М.Н. БУТЫРСКИЙ
Государственный музей Востока
(Москва, Россия)

НОВЫЕ НАХОДКИ ВИЗАНТИЙСКИХ ПЕЧАТЕЙ НА УКРАИНЕ

Автор вводит в оборот три новые находки византийских печатей, происходящих с территории Украины. Моливдовулы Константина Радина (?), магистра и веста (вторая половина XI в.); Оррисина (?), проэдра (XI-XII вв.); Димитрия, катепана Эдессы (XII в.) дают новую, ранее неизвестную информацию об отдельных представителях византийских аристократических семейств и расширяют наши знания об одном из наиболее важных военных и экономических центров в провинции Месопотамия – Эдессе, являвшейся важным форпостом Византии на ее восточных границах.

Н.Е. ГАЙДУКОВ

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Москва, Россия)

ПЕЩЕРНЫЕ ХРАМЫ КАППОДОКИИ: НАБРОСКИ К ТИПОЛОГИИ

Пещерные храмы Капподокии - важный и интересный археологический и архитектурный объект. Им посвящена обширная литература, как с точки зрения литургики (здесь литургический анализ, насколько мы знаем, впервые был опробован на столь массовом материале), так и с точки зрения анализа росписей (наиболее полный обзор литературы см. у Teteriatnikov N.B. *The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia.R.*, 1996. (OCA, 252). Однако до сих пор храмы эти остаются толком литургически не описанными, датировка проблемной, а вопрос, почему на столь небольшом пространстве было сосредоточено столь много храмов и каковы тогда были их функции как будто только вчера поставлен. Однако, с нашей точки зрения, наибольшей проблемой кажется отсутствие типологии для пещерных храмов Капподокии.

Все это и побудило нас обратиться к данной теме. Мы уже больше десяти лет занимаемся проблемами типологии пещерных храмов юго-западной Таврики (предварительные итоги см. Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // *Российская археология* - 2005 № 1). Отметим, что в Крыму нам «повезло»: все пещерные храмы Крыма относятся к единой, правда, с некоторыми оговорками, и литургической и архитектурной традиции. В Капподокии этого нет, по нашим наблюдениям капподокийские храмы относятся к двум традициям, назовем их условно сирийской и малоазийской. Это важное различие будет играть существенную роль при составлении более или менее завершенной типологии. Однако в данной работе мы предпочтем пока различиями между традициями пренебречь.

Мы не замахиваемся пока на составление общей и достоверной картины, особенно это касается сложных и многослойных памятников, каждый из которых следует рассматривать отдельно.

Попробуем всего лишь соотнести капподокийские литургические типы храмов с крымскими, и на основании этого предложить эскиз типологии капподокийских пещерных храмов.

Прежде всего, рассмотрим те отличия пещерных храмов Капподокии от крымских, которые бросаются в глаза. Это, прежде всего, приподнятая подковообразная апсида. В пещерных храмах Крыма такие встречаются только в одном регионе - в районе городища Качи-Кальон. Это позволяет осторожно предположить здесь наличие архитектурных и литургических связей. Хочется также отметить чрезвычайно часто встречающиеся в Капподокии трехапсидные пещерные храмы, что вовсе нехарактерно для Крыма. В подавляющем большинстве случаев во всех трех апсидах находятся престолы.

Имеют свои отличия храмы и по литургическим типам. Для крымских пещерных храмов нами была предложена типология, основанная на положении протезиса (см. выше). В основе ее лежит идея перемещения протезиса из наоса в алтарь, с конечным итогом размещения протезиса в отдельном северном компартименте.

Сравним наши типы с капподокийскими. Для удобства приведем эти сравнения в таблице 1.

Юго-Западный Крым	Капподокия
I. Храмы без протезиса	
I.1 Храмы с выступающей в наос алтарной преградой	нет
I.2 Храмы -триконхи	нет
I.3 Храмы подковообразной и приподнятой апсидой	?
II. Храмы с протезисом	
II.1 храмы с протезисом в наосе	есть
	Храмы с протезисом на солее в виде ниши сев. ориентации
	Храмы с протезисом на солее в виде ниши вост. ориентации
Храмы со «сквозным» протезисом открытым и в наос и в алтарь	есть
II.2 Храмы с протезисом в центральной апсиде	есть
II.2 Храмы с протезисом в виме	есть
II.4 Храмы с протезисом в специальном компартименте алтаря	?

К основным отличиям на уровне типов можно отнести наличие двух дополнительных типов с протезисом на солее. Важным представляется также и то, что в некоторых из трехапсидных-трехалтарных храмах Капподокии один протезис обслуживал одновременно три или, по крайней мере, два алтаря.

Как видим в целом типы коррелируют друг с другом неплохо. В целом хочется отметить для капподокийских пещерных храмов, как отсутствие архаичных ранних храмов (без протезиса), так и поздних «классических» византийских структур с трехапсидным алтарем: жертвенник- алтарь- «кутейник», что хорошо согласуется и с письменными источниками, датирующими время возникновения капподокийских пещерных храмов серединой IX в., а окончательное запустение около 1073 г.

А.Г. ГЕРЦЕН, В.Е. НАУМЕНКО

Национальный Таврический университет им. В.И. Вернадского
(Симферополь, Украина)

**ОКТАГОНАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ МАНГУПСКОГО
ГОРОДИЩА ПО ДАННЫМ НОВЕЙШИХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ПЛАНИРОВКА, СТРАТИГРАФИЯ, ХРОНОЛОГИЯ**

Археологическое изучение Мангупского городища, средневекового Дороса-Феодоро, на сегодняшний день, вступает в новую фазу, основной составляющей которой является обобщение результатов исследований и их качественное введение в научный оборот. При этом следует подчеркнуть, что ныне акцент должен быть сделан на полном издании результатов работ на отдельных объектах, раскопанных на широкой площади и имеющих надежно стратифицированный материал, массовость которого исключает или, по крайней мере, значительно снижает двусмысленность их интерпретации. К таким объектам относится цитадель на мысе Тешкли-бурун, одним из ярких памятников которой является октагональная церковь. Интерес к последней объясняется не только уникальной формой храма, не имеющей аналогов в христианской архитектуре Крыма. Как показали современные археологические исследования, октагон во многом определяет архитектурно-планировочный облик акрополя городища и, таким образом, становится ключевым звеном в решении целого ряда вопросов, связанных с хронологией и формированием композиции ансамбля цитадели.

История изучения. В литературу октагональная церковь Мангупа вошла после небольших по объему раскопок в 1890 г. (Ф.А. Браун) и 1913 г. (Р.Х. Лепер). К сожалению, их небольшая площадь, общий недостаточный методический уровень проведения исследований, слабая фиксация и опубликованность полученных результатов не позволили получить ясного представления о памятнике. Не случайно в дальнейшем исследователи, опираясь исключительно на план Ф.А. Брауна, использовали октагон лишь в качестве примера

разнообразия христианского зодчества Мангупа, а вопросы его функционального назначения и особенно хронологии стали традиционно дискуссионными в историографии. Лишь в 1997-2005 гг. Мангупский октагон удалось открыть полностью вместе с прилегающим участком застройки. В настоящей работе представлены основные результаты его археологического исследования в 1997-1999 гг., когда был впервые выяснен точный план храмового комплекса и получена полная стратиграфическая колонка культурных напластований, связанных с ним. Нужно сказать, что наличие последних, содержащих репрезентативные коллекции вещественных находок, превращает октагон в полноценный исторический источник, так как позволяет вести предметную дискуссию о его хронологии и планировочном решении с использованием собственно археологических методов, что не часто встречается в области церковной археологии.

Планировка. Октагональная церковь Мангупа представляет собой вытянутый строго по оси восток–запад комплекс, состоящий из трех планировочных компонентов – нартекса, наоса и алтарной части. Его центральной частью являлся наос, восьмигранный в плане по внешнему контуру общими размерами 8,46 x 8,02 м. Изнутри он имеет крестообразную форму с полукруглой апсидой с востока. Алтарная часть отделена от наоса алтарной преградой. На площади вимы алтаря фиксируются вырубки под престол (с гнездом в центре для закладки ампулы с мощами) и киворий. В западной части комплекса располагался нартекс, представлявший собой открытую выровненную скальную площадку общими размерами 3,40 x 4,00 м, в центре которой симметрично располагались четыре квадратные колонны под перекрытие. Еще одним объектом, планировочно связанным с октагональной церковью, является прямоугольная в плане скальная гробница, расположенная вблизи северо-западной грани храма.

Стратиграфия. Культурный слой на площади церкви был выбран в процессе раскопок конца XIX – начала XX вв. Лишь на дне скальной гробницы около ее северо-западной грани сохранился нивелировочный «слой отеса». Полную стратиграфическую колонку культурных напластований данного участка застройки цитадели удалось получить при изучении «улицы» к северо-западу от октагона. Здесь были выявлены семь культурных горизонтов общей мощностью до 1,60 м.

Наибольший интерес для истории памятника представляют нижние культурные горизонты дорожного полотна улицы (слои №№ 5-7), имеющие непосредственное отношение ко времени строительства и функционирования храма.

Хронология. Исследования октагона 1997-1999 гг. подтвердили наблюдение Ф.А. Брауна об отсутствии каких-либо следов мозаичного покрытия и фресковой росписи в интерьере храма. Несмотря на тщательный осмотр всего строительного материала во время зачисток внутри церкви и выборки культурных слоев за ее пределами, в нашем распоряжении практически нет выразительных архитектурных деталей, которые можно было бы уверенно соотнести с убранством октагона.

Хронология памятника строится на анализе археологических комплексов находок, полученных в процессе выборки упомянутых «слоя отеса» на дне скальной гробницы и нижних культурных горизонтов на трассе «улицы» к северо-западу от него. Корреляция датирующих групп находок (амфор, глазурованной керамики, отдельных форм бытовой керамики) определяет наиболее вероятную дату формирования комплексов и соответственно сооружения октагональной церкви в пределах конца XIV – **первой четверти XV вв.** Еще более уточнить хронологию памятника помогают данные письменных и эпиграфических источников по истории Мангупского городища этого времени. Их сопоставление с результатами археологических исследований позволяют соотнести строительство октагона с периодом реконструкции цитадели в 20-30-х гг. **XV в., когда окончательно сложился архитектурно-планировочный облик акрополя городища.** Выбор места для церкви был подчинен общей композиции ансамбля цитадели – она расположена точно на оси от ворот к оконечности мыса. Есть все основания связывать памятник с храмом, упомянутым в известной мангупской надписи 1427 г., из которой следует, что он был освящен во имя императора Константина Великого и его матери Елены, совершившей в начале **IV в. паломничество в Святую Землю** и обретшую на Голгофе крест, на котором, по преданию, был распят Иисус Христос.

В заключение, несколько замечаний в отношении не менее дискуссионного, чем хронология, вопроса происхождения формы капеллы

правителей Феодоро. На сегодняшний день, среди существующих в историографии гипотез наиболее основательной представляется византийская версия, имеющая как материальные, так и исторические обоснования в истории городища. Безусловно, говоря о первых, мы не подразумеваем поиск аналогий памятнику среди октагональных сооружений IV-VI вв. (**баптистериев, маририев, церквей обычного культа**), хорошо известных в архитектуре, главным образом, христианского Востока. Они слишком удалены хронологически от предмета исследования. Главное внимание должно быть сосредоточено на определении круга материальных источников, которые подчеркивают сохранение традиции использования октагональных в плане храмов в архитектурной практике в более позднее время, максимально приближенное к интересующей нас эпохе. Такой обзор следует начать с группы церквей, открывающих с X-XI вв. **линию развития новых архитектурных типов византийских храмов центрического плана, известных на территории Греции, Кипра и Крита – так называемой «купольной октагональной церкви» («Domed Octagon») и «греческой крестово-купольной октагональной церкви» («Greek Cross-Domed Octagon»)**. О более широкой географии церквей октагональной формы в это время на территории империи свидетельствуют находки двух печатей XI в. с упоминанием в их легенде Октагона Богородицы в центральной части Константинополя. Безусловно, многие из указанных храмов продолжали функционировать и в поздневизантийское время, вплоть до османского завоевания. В этой связи следует особо отметить еще один памятник столицы Византии – восьмигранную христианскую церковь с крестообразным планом изнутри в районе монастыря Гастрия, которую обычно датируют XIV в. Около 1560 г. она была перестроена в мечеть и в таком виде (мечеть Sancaktar) просуществовала до 1894 г. Очевидно, что для решения интересующего нас вопроса данный памятник имеет первостепенное значение, так как является прямой архитектурной аналогией мангупскому октагону. На это указывают их близкие хронология и размеры, сходство планировочного решения и даже, в какой-то степени, общее использование обоих христианских храмов в османское время в качестве мусульманских мечетей.

Предлагаемая гипотеза византийского происхождения формы

октагональной церкви Мангупского городища, с учетом ее новой датировки (1427 г.), хорошо вписывается в общий контекст истории княжества Феодоро. Как известно, в течение 1424-1425 гг. его правителям удалось заключить два важнейших династических союза с императорами Византийской и Трапезундской империй, значительно повысивших авторитет и политический вес княжества в регионе. Сам факт вхождения отныне владетелей Феодоро в состав византийской провинциальной аристократии, очевидно, и определил выбор архитектурного стиля при сооружении их столичной капеллы, так как, в наилучшей степени, соответствовал новой формирующейся идеологии княжества.

Л.А. ГОЛОФАСТ

Институт Археологии РАН (Москва, Россия)

К ВОПРОСУ О ТОРГОВЫХ СВЯЗЯХ ХЕРСОНА В XIII В.

(по данным поливной керамики и стеклянных изделий)

Вопрос о торговых связях Херсона в последний период его существования до сих пор почти не привлекал внимания специалистов. Отчасти это можно объяснить отсутствием точных данных о центрах производства различных групп материала, а отчасти — устоявшимся мнением о Херсоне как о городе, самостоятельно обеспечивавшим себя всем необходимым, в том числе столовой посудой, включая поливную и стеклянную. Однако, обширный материал, накопленный в ходе раскопок Херсонеса, а также многочисленные публикации находок из различных центров как входивших в интересующий нас период в состав Византийской империи, так и расположенных на смежных территориях, позволяют сделать некоторые предположения относительно вовлеченности города в систему довольно обширных торговых связей.

Одну из наиболее многочисленных групп поливной керамики из слоя пожара первой половины XIII в. составляют полихромные сосуды с графическим рисунком (группа 6 по Якобсону; класс II по V. Françoise), для которых характерны крупные изображения розеток, плетенок, растительных мотивов, зооморфные и антропоморфные изображения, занимающие все центральное поле сосудов и обрамленные поясом из завитков и различных геометрических элементов. Яркостью и разнообразием сюжетов эта керамика резко выделяется на фоне производившейся в то время поливной посуды, и при этом по многим показателям очень близка т.н. «керамике группы или стиля Порт Сен Симеон (араб. Аль-Мина)», производившейся с начала XIII в. на территории Сирии. Отходы производства керамики этой группы обнаружены, помимо Порта Сен Симеон, в *Misis (др. Mopsuestia)* в Киликии, предполагается ее изготовление в некоторых других центрах региона. Посуда рассматриваемой группы зафиксирована на территориях крестоносцев, расположенных вдоль восточного побе-

режья Средиземного моря, на Кипре, в Италии и Египте. Однако, на территории Византийской империи, в частности в Константинополе, подобная керамика встречается в крайне незначительных количествах, что позволяет сделать предположение о ее поставках в Херсон не через Константинополь, а какими-то другими путями. В качестве наиболее вероятного центра, через который рассматриваемая посуда могла поступать в город, следует назвать Трапезунд, под властью которого Херсон находился, скорее всего, с 1204 года.

Возможно, через Трапезунд в город поступали изготовленные в закавказских мастерских стеклянные браслеты, которые удалось выделить по ряду четко выраженных признаков. Речь идет о гладких круглых в сечении и крученых браслетах из марганцевого, черного, коричневого и зеленого стекла с местом спайки, оформленным защипами или парными поперечными углублениями. Подобные браслеты в XI-XIII вв. изготавливались в Орбети и Натбеури. Причем, судя по материалам из раскопок Г.Д. Белова на Северном берегу можно предположить, что основная их масса хлынула в Херсон после XI в. Если в IX-XI вв. они составляли около 20%, то в верхних слоях их содержание повышается почти до 40%.

Не исключено, что этим же путем в город поступали и стеклянные изделия ближневосточного происхождения. В коллекции стекла из раскопок слоя пожара удалось выявить несколько серий стеклянных изделий из указанного региона. Это, прежде всего, изделия сирийских стеклоделов: сосуды с т.н. белым узором «птичье перо», бокалы, чаши и флаконы с росписью цветными эмалями и золотом, происходящие из мастерских Дамаска, Алеппо и Ракки. Причем следует отметить, что наряду с перечисленными дорогими сосудами ввозились и их дешевые варианты, характеризующиеся более низким качеством стекла и иногда отсутствием росписи. К изделиям ближневосточных мастеров относятся также бутылки со сферическим туловом и высоким цилиндрическим горлом со сливом и спиралевидно напаянным тяжелым жгутом стекла. Объединяет эти сосуды не только форма и характер декорировки, но и марганцевый цвет стекла, из которого выполнены либо сами сосуды, либо отдельные их детали. Одна из мастерских по их изготовлению, функционировавшая с XII в. по 1291 год, открыта недалеко от Акко.

Представленные материалы позволяют существенно уточнить картину торговых связей Херсона в рассматриваемый период. Среди торговых партнеров города, помимо Константинополя, через который в него поступали разнообразные товары из района Средиземноморья, были и ближневосточные центры. Не исключено, что какую-то часть перечисленных изделий Херсон получал через Трапезунд, которому в рассматриваемый период он выплачивал ежегодную дань, что предполагает и наличие определенных экономических связей, материальные свидетельства которых до сих пор не были выявлены, и приведенные данные, возможно, восполняют их дефицит.

В.В. ГУРУЛЕВА
Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург, Россия)

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ МОНЕТНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕ

Херсон и его округа являются единственной областью Крыма, которая стабильно входила в состав Византийской империи на протяжении почти всей истории ее существования, что позволяет проследить основные закономерности и особенности денежного обращения этой части полуострова. Херсонеситы по большей части использовали для своих нужд монеты, выпущенные местным монетным двором, что не исключало из обращения и выпуски других городов империи. Среднее соотношение находок в Херсоне монет местной чеканки и других монетных дворов Византии составляет 5:1.

Характерной чертой денежного обращения Херсона V – начала VI вв. является обилие (сотни экз.) мелких медных номиналов Аркадия, Льва I, Зенона, Анастасия I. **Особенностью является состав металла монет Зенона, включающих большой процент свинца, что позволило исследователям предположить, что эти монеты – продукция монетного двора Херсона. Не имея собственных месторождений, Крым использовал привозную медь (как правило, из Малой Азии), что вызывало практику добавления лигатуры, чаще всего свинца, в изделия из меди, в том числе и монеты.**

При Юстине I и Юстиниане I **уменьшается приток монет из Константинополя и других городов империи, поскольку активно функционирует монетный двор Херсона. Количество находок монет Юстина I местной чеканки вдвое превосходит число монет других монетных дворов, при Юстиниане I эта разница существенно увеличивается в пользу херсонских выпусков (15:1). В дальнейшем она сокращается до соотношения 8:1 при Юстине II и 5:1 при Маврикии.**

Прекращение работы монетного двора Херсона при Ираклии не вызвало массового притока монет из Константинополя. Только монеты Константа II исчисляются десятками экземпляров, для выпусков

других императоров VII-VIII вв. характерно единичное количество находок.

Особенностью монетного обращения Херсона в начале IX в. является обилие находок фоллисов Льва V чеканенных в г. Сиракузы: к настоящему времени их зафиксировано около 100 экз. при 2 экз. фоллиса Константинополя.

С возобновлением работы монетного двора в Херсоне, особенно – в X в., число находок монет местной чеканки в десятки, а то и сотни раз превышает находки выпусков других центров империи. Для этого периода также характерно использование свинца в монетной чеканке как добавки к меди, а иногда и в чистом виде.

С образованием в 1204 г. Трапезундской империи Крым рассматривался ее правителями как заморская часть державы, выплачивающая в казну ежегодные налоги. Удаленность Крыма от Трапезунда делала его политическую зависимость номинальной, но экономические интересы обоих регионов переплетались еще с древности. В Херсоне монеты правителей Трапезунда встречаются в единичных количествах (более 30 экз.), но хронологически они распределены довольно равномерно от 20-30 гг. XIII в. до середины XV в. В принципе, это укладывается в общую схему соотношений находок местного чекана к иногородним выпускам. Внутренний рынок вполне обеспечивался медными анонимными монетами с монограммой «ро», находки которых носят массовый характер. При этом в Херсоне и его округе зафиксированы десятки монет Латинских императоров в Константинополе и Фессалонике и единицы – правителей Никейской империи и восстановленной при Палеологах Византии, что свидетельствуют о стабильных контактах Херсона и с этими державами.

Наблюдения и выводы, предложенные в заявленном докладе, носят предварительный характер. Продолжение работы по выявлению монет, найденных в Херсоне, в собраниях музеев Москвы, Одессы, Киева, в частных коллекциях, а также новые находки византийских монет в ходе продолжающихся раскопок в Херсонесе могут существенно скорректировать наши представления о монетном обращении Херсона.

А.А. ЕВДОКИМОВА

Институт Языкознания РАН (Москва, Россия)

ВИЗАНТИЙСКИЕ СИСТЕМЫ АКЦЕНТУАЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ АКЦЕНТУИРОВАННЫХ НАДПИСЕЙ

Последовательная акцентуация в греческих памятниках стала применяться в X веке уже в рукописях, когда в живом языке были утрачено интонационное различие между акутом и циркумфлексом, а до этого времени, акцентуация носила спорадический характер. Однако этот вывод носит условный характер, так как до сих пор нет общего свода всех акцентуированных греческих памятников более раннего времени, хотя отдельные исследования акцентуации папирусов, как в целом, так и для некоторых групп существуют.

Интересный материал по акцентуации дают надписи, особенно, граффити:

1. Система акцентуации, представленная в папирусе с I в.н.э.

В киевской Святой Софии чаще всего используется гравис, особенно в сокращениях. Большая часть этих ударений схожа с употреблением грависа в папирусе Парфения Алкмана около сер. I в.н.э., в котором гравис в конце окситонного слова пишется:

а) когда оно составляет единую синтагму с последующим словом;

б) когда последующее слово имеет ударение на первом слоге (Тронский, 1962, с. 79-80).

2. Гравис как маркер безударного слога:

В двух словах в одном киевском и в одном константинопольском граффити встречается конечный знак сокращения, который в то же время служит маркером безударного слога.

3. Ударение как маркер семантического выделения:

Акут в Киеве и гравис в Грузии используются как семантический маркер.

4. Повторение знака ударения как сокращение:

Ранее были разобраны примеры на повторение знака тупого ударения в различных функциях. Однако в одном киевском граффито

знак острого ударения дважды повторен, видимо, по ошибке вместо тупого ударения (Евдокимова, 2008, с. 617).

5. Использование тремы:

- перед гласной для обозначения того, что «ï» читается как [i], а не как [j];

- после гласной — как [i];

- в случае замены, когда «ï» на месте некогда долгого звука, т.е. подчеркивается разница в звучании.

6. Два знака ударения в сложных словах

7. Последовательное использование диакритики:

Среди граффити, найденных в Афинах и в Каппадокии встречаются примеры более подробной акцентуации с некоторыми пропусками и ошибками: вместо облеченного ударения острое; несмотря на перенос ударения с клитики на последний слог глагола, она имеет еще одно свое собственное тупое ударение и т.д.

Спорадический характер употребления диакритических знаков сближает рассматриваемые надписи с папирусами. Приведенные выше примеры свидетельствуют о существовании разных систем акцентуации в византийском греческом языке (как, например, выделение безударного слога или смысловое выделение) вплоть до XIII а, возможно, и до XIV в. Однако малочисленность собранного материала пока не позволяет сделать более определенные выводы об особенностях функционирования этих систем.

Е.Ю. КЛЕНИНА

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь)

ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ ВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ (IX-XIV ВВ.) В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ХЕРСОНЕСА

Результаты раскопок последних лет позволяют предполагать, что юго-западный участок Херсонеса, расположенный между главной и первой продольной улицами, является одним из значимых районов древнего города. Исследования в этой части городища, безусловно, позволяют внести коррективы в устоявшиеся представления о развитии городской территории Херсонеса Таврического. В последнее время в рамках научно-исследовательского украинско-польского проекта «Топография Херсонеса Таврического» (рук. Е.Ю. Кленина, А.Б. Бернацки), проводятся исследования жилой застройки византийского времени в квартале № 60 к юго-западу от пятиапсидного храма, открытого К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1906 г.

В результате раскопок 2004-2008 гг. были открыты жилые и хозяйственные постройки двух городских домов поздневизантийского времени. В настоящее время полностью изучена планировка одного из городских домов. Удалось также выяснить, что на определенном этапе эти два дома имели общий двор и, вероятно, представляли собой единый жилой и административный комплекс. Аналогичные городские усадьбы характерны для всего Средиземноморского региона. Находки подвесных печатей, железного стиля, керамические изделия византийского производства, а также отсутствие производственных, ремесленных или торговых помещений свидетельствует о высоком статусе хозяев дома. Раскопки широкими площадями в западной части Херсонеса позволяют опровергнуть теорию А.Л. Якобсона о нерегулярности застройки этого района города и о нищенском существовании его обитателей. Регулярная планировка сохранялась в этой части городища вплоть до XIV в. судя по всему без серьезных изменений. Археологические материалы, в том числе и монеты хана

Узбека первой половины XIV в., позволяют утверждать, что город существует и развивается в этот период не только на ограниченном пространстве портового района, но и в западной части Херсонеса.

М.А. КУРЫШЕВА
Институт Всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)

ЮЖНО-ИТАЛЬЯНСКИЕ ГРЕЧЕСКИЕ РУКОПИСИ X В. И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ТРАДИЦИЯ¹

Среди ранних типов греческого письма, который встречается в рукописях южно-итальянского происхождения, встречается минускульное письмо «типа Анастасия», названное так по имени монаха Анастасия, написавшего в 890 г. два парижских кодекса (Paris: gr. 1470 и gr. 1476). Эта разновидность византийского минускула, как принято считать, сформировалась к середине IX в. Датированные и датируемые с помощью палеографического и кодикологического анализа самые известные его образцы относятся к рубежу IX/X столетий. После середины X в. почерки «типа Анастасия» не встречаются (см. исследования Э. Фолльери, Л. Перриа, Дж. Прато и др.).

После первой публикации в «*Palaeographia Graeca*» 1708 г. образцов письма двух упомянутых парижских манускриптов Б. Монфокон определил, что они были написаны одной рукой. Впоследствии этот тип письма исследовался неоднократно. В конце XIX в. Л. Дукес и Ш. Вайе, описавшие знаменитую патмосскую рукопись Patm. 33, написанную в 941 г. монахами Николаем и Даниилом в Реджо ди Калабрия на Юге Италии, «перенесли» локализацию этого типа письма на южно-итальянскую почву и датировали «тип Анастасия» первой половиной X в. Попутно они отметили, что патмосский манускрипт написан «очень большим, весьма регулярным, почти квадратным» минускулом», по виду таким же, как и опубликованные Монфоконом кодексы, древность которых можно поставить под сомнение. Вплоть до 70-х гг. XX в. относительно рукописей этого типа письма у специалистов не возникало колебаний – происхождение таких манускриптов считалось южно-итальянским (Дж. Прато, Ж. Леруа, Р. Деврес, П. Канар, Г. Кавалло и др.). Однако по мере накопления материала, привлекаемого для исследования книжного греческого минускула

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МК-6197.2008.6)

IX–X вв. (Э. Фольери), на этот счет появились обоснованные сомнения. Происхождение целого ряда манускриптов второй половины IX – первой половины X в., выполненных почерками «типа Анастасия», стало возможным связать с Константинополем и его окрестностями и даже доказать константинопольское происхождение некоторых писцов (Л. Перриа). По-видимому, это письмо зародилось на Востоке, в Константинополе, затем распространилось в Византийской империи, а впоследствии «прижилось» в провинции – в Южной Италии. Оно получило свои особенности благодаря специфике южно-итальянского региона, и осталось в южно-итальянской среде.

На сегодняшний день для перспективного исследования написанных письмом «типа Анастасия» греческих рукописей и фрагментов необходимо их выявление в русских собраниях. В докладе будет изложены результаты изучения рукописей этого типа письма, которые находятся в собрании Государственного исторического музея (Москва). В ходе работы был проведен анализ манускриптов с учетом накопленных в специальной литературе данных об их кодикологии, палеографии и орнаментальных особенностях. Особый акцент сделан на исследовании процесса сложения системы диакритики (т.е. системы надстрочных знаков) в этой группе кодексов, а также проведено их сопоставление с другими подобными рукописями. В результате исследования истории каждого кодекса расширяются возможности для более уверенной датировки и локализации рукописей «типа Анастасия».

Т.В. КУЩ

Уральский Государственный университет им. А.М. Горького
(Екатеринбург, Россия)

**БРАК В ОЦЕНКЕ ИМПЕРАТОРА МАНУИЛА II
ПАЛЕОЛОГА:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹**

«Этический диалог, или о браке», составленный в 1394-1397 г. византийским императором Мануилом II Палеологом, представляет интерес по ряду причин. Прежде всего, сочинение посвящено такой деликатной теме как брак. Во-вторых, уникальным является и тот факт, что в этом произведении диалог ведет мать и сын, и женщина появляется на страницах не в качестве субъекта, а как полноправная участница контroversы. В-третьих, этот труд вышел из-под пера императора, что придает идеям, высказываемым в этом диалоге, совершенно иное звучание. Этих нескольких замечаний уже достаточно, чтобы заинтриговать исследователя и привлечь внимание к этому источнику.

В «Диалоге о браке» представлен почти весь тематический диапазон, который может уместить эта жанровая форма. Дидактический посыл, рефлексия текущего состояния дел государства, столкновение личностей, морально-нравственные ориентиры в равной степени обнаруживаются на страницах сочинения. Многослойность тематических ракурсов придает этому образцу высокой риторики неповторимый характер, делая данный источник интересным в равной степени с точки зрения оценки риторического мастерства автора и изучения его общественных взглядов и убеждений.

Обратимся к рассмотрению только того пласта информации, который связан с главной темой диалога – вопросом необходимости вступления императора в брак. Стоит заметить, что ставшая предметом размышления дилемма «жениться или не жениться» поставлена уже после того, как Мануил II **обзавелся семьей и появился на свет** его первенец. Поэтому этот сюжет выходит из разряда обсуждения

¹ Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-01-00238а).

конкретного выбора человека и имеет скорее философский и политический подтекст.

Мануил признается, что в отличие от матери он никогда не придавал браку первостепенного значения. По его замечанию, «для меня, может быть, было бы лучше, если бы я не был женат». Одной из причин столь пренебрежительного отношения к брачным обязательствам, было, возможно, стремление Мануила вести философский образ жизни, исключавший в идеале обременительные семейные узы. Можно с уверенностью говорить о влиянии на него в этом вопросе его учителя Димитрия Кидониса, который высказался вполне определенно по поводу необходимости для истинного философа сохранять свободу от брачных оков.

Но правитель должен воспринимать брак не как частное, а как государственное дело. Рассуждая о нравственно-этических аспектах этого вопроса, Мануил признает, что император является примером и образцом для своих подданных, в том числе и в семейной жизни. Кроме того, стабильность и устойчивость власти сопряжена, пусть и опосредованно, с наличием семьи у василевса, поскольку ничто не внушает согражданам такое спокойствие и уверенность в будущем, как гарантия преемственности власти после ухода со сцены правителя, которая позволит избежать смут, распрей и разорений.

Продолжая разговор, участники беседы переходят от абстрактных аргументов к фактическому положению дел, которое является существенным доводом в пользу брака. В «Диалоге» поднимается тема междоусобицы, турецкой опасности и бедственного положения отечества. Императрица-мать четко артикулирует угрозу, которую представляет для Мануила отсутствие семьи и наследников в условиях открытого конфликта с племянником Иоанном VII, и определяет возможные сценарии развития событий, опасные для императора. Отсутствие наследников с точки зрения матери делает Мануила уязвимым, а его власть неустойчивой.

В «Диалоге» мы имеем дело с размышлениями человека, мятущаяся душа которого ведет внутренний диалог между собственными желаниями и общественным долгом. Мануил-философ противится браку, в то время как Мануил-василевс осознает необходимость этого шага из политических соображений. Конечно, в этом нелегком споре вверх одерживает разум, здравый смысл и политический расчет.

В.В. МАЙКО

Филиал «Судакская крепость»
Национального Заповедника «София Киевская»
(Судак, Украина)

**О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ
«АФОНСКОГО» ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В ЮГО-
ВОСТОЧНОЙ ТАВРИКЕ**

Погребальный обряд населения юго-восточного Крыма второй половины VIII – первой половины X вв. изучен достаточно полно. На сегодняшний день исследовано семь некрополей (Морское, Судак-II, VI, VII, IX, Кордон-Оба, Тепсень), позволяющих проследить эволюцию обряда захоронения праболгарского населения этой части полуострова в направлении его христианизации. Осмысление новой традиции захоронений, как составной части византинизации, было разным: от полного принятия обряда и сооружения плитовой могилы, до частичного его воспроизведения в языческом захоронении с элементами плитового. Тем не менее, расположение и количество костяков в погребении оставалось стабильным. В подавляющем большинстве случаев это одиночные погребения. Не более 5 % от общего количества погребений составляют парные захоронения, одноярусные могилы с погребением взрослого и ребенка и двух ярусные погребальные сооружения по одному костяку в каждом ярусе. Пятью экземплярами представлены могилы, где предшествующий погребенный был сдвинут к одной из стенок при совершении повторного погребения. Земляной склеп некрополя Судак-VI, как и земляной и каменный склеп некрополя Судак-IX, дошедшие до нас в сильно разрушенном виде, являлись, вероятно, коллективными долговременными городскими погребальными сооружениями. Сказанное справедливо и по отношению к первоначальным костякам каменных склепов на участке куртины XV Судакской крепости. Реконструировать обряд первоначального погребения или погребений в каменном склепе на территории некрополя Судак-II, сложно. Исключение составляют каменный склеп некрополя Судак-VI, где при совершении парного

погребения были сдвинуты кости трех ранее погребенных. Однако, судя по находке в заполнении керамики второй половины X в., не исключено, что это произошло и в более позднее время. Сказанное в полной мере подтверждают и исследования раннесредневековых некрополей Керченского полуострова.

Таким образом, до середины X в. нет оснований говорить о проникновении элементов т.н. «афонского» погребального обряда в христианскую среду праболгар юго-восточного и восточного Крыма.

Ситуация резко меняется в середине X в. совпав во времени с исчезновением праболгарской (т.н. крымский вариант салтово-маяцкой) культуры в юго-восточном Крыму. Именно с этого момента на городских и прихрамовых некрополях Сугдеи и Боспора одиночные плитовые захоронения составляют меньшинство. Появление «афонских» элементов погребального обряда на городских (Судак-II) и прихрамовых (на территории Цитадели и Барбакана Сугдеи) некрополях Сугдеи и Боспора (некрополь храма Иоанна Предтечи) второй половины X – первой половины XII вв. проявилось в традиции коллективных погребений в плитовых могилах, где при совершении последнего погребения возле его черепа располагались черепа от предшествующих захоронений. Часто встречаются и многоярусные погребения, где каждый ярус представлял собой одиночное наиболее позднее погребение, обложенное со всех сторон, но, прежде всего, в ногах и головах, отдельными костями и черепами от предшествующих. При этом, черепа встречаются как в головах, так и в ногах последующих погребенных. Значительно реже исследованы погребения, где кости более ранних погребенных в полном составе сдвинуты к одной из длинных стенок плитовой могилы. Вариантов данных основных типов нового христианского погребального обряда насчитывается не менее десяти. С середины X в. возникают и костницы, где не наблюдается анатомического порядка в расположении большинства костяков. При этом черепа и кости верхних конечностей все же концентрируются в западной, а кости нижних конечностей – в восточной части погребального сооружения. Они продолжают активно использоваться и в XI в. (Судак-II, некрополи на территории Барбакана и цитадели Сугдеи, некрополь храма Иоанна Предтечи). С другой стороны на протяжении второй половины X – XI вв. в кос-

тницы превращаются практически все каменные склепы предшествующего праболгарского ранневизантийского времени (каменные склепы на участке некрополей Судак-II, IX, **каменные склепы на участке куртины XV Судакской крепости**).

Появление элементов «афонского» погребального обряда, прежде всего, в монашеской среде, связывается исследователями с монашеской эмиграцией с Ближнего Востока, вызванной арабскими завоеваниями X в. С другой стороны, увеличение городского населения, при отсутствии возможности значительного расширения площади городов, способствовал быстрому проникновению обряда в городскую среду. Этот погребальный обряд оставался преобладающим на протяжении поздневизантийской эпохи на территории всей Таврики, став ее своеобразной визитной карточкой.

К.А. МАКСИМОВИЧ

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Москва, Россия)

**«ИМПЕРСКАЯ» И «ПОЛИСНАЯ»
ИДЕОЛОГИЯ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ**

(на материале «Учительных Глав» Агапита Диакона)

В российской историко-политической науке существует представление, что византийская политическая идеология формировалась под влиянием нескольких культурных факторов: антично-эллинистических традиций, римской государственности и христианства (Г.Л. Курбатов). С этим троичным делением можно было бы согласиться при одном существенном уточнении. Дело в том, что как «антично-эллинистические», так и «римские» традиции были сами по себе неоднородны – они эволюционировали от ранних, полисно-республиканских форм к традициям имперской экспансии на Восток и существенной «ориентализации» государственной жизни. Эллинистические государства, расширяясь, становились из мононациональных многонациональными и мультикультурными – отсюда неизбежно возникали идеи своего рода «экуменизма», объединяющего различные этнические группы не только общей территорией, но и универсальной (имперской) идеологией (в которую могла органично включаться и религия) (Х. Арвейлер, П. Вэн и др.).

Такая эволюция была характерна как для эллинистических монархий, так и для Римской империи. Напомним, что Византия никогда и не называлась иначе, чем «Римская империя». В этом своем качестве она унаследовала от античности древнейшие, еще полисные представления о власти и правителе. На протяжении веков в зависимости от конкретных историко-культурных обстоятельств эти представления то уходили в тень, то возрождались вновь. Однако главную роль в политической идеологии государства играли, наряду с христианством, не полисные, а именно имперские элементы древнейшего эллинистического и римского наследия. К таким элементам можно отнести идею сакральности верховной власти (первоначально

никак не связанную с христианством) и проистекающую из нее теорию «подражания» монарха атрибутам божества («человеколюбец», «спаситель», «победитель», «промыслитель» и др.). У истоков византийской идеологии стоит Евсевий Кесарийский, сформулировавший концепцию христианского государства, и эта концепция носит ярко выраженный имперский характер. Имперский характер византийской идеологии особенно ярко проявлялся во внешней политике и дипломатии.

Таким образом, формулу Г.Л. Курбатова можно уточнить следующим образом: *официальная политическая идеология Византии формировалась в основном из имперских элементов греко-эллинистического и римского идеологического наследия (с подавляющим преобладанием последнего) и санкционировалась христианской религией.*

«Учительные главы» Агапита, диакона церкви Св. Софии в Константинополе, представляют собой сборник политических и нравственных наставлений императору Юстиниану, составленный около 536 г.

Сборник включает 72 небольшие главы, построенные по принципу акростиха – иными словами, формально претендующими на художественный, и даже поэтический статус. В самом деле, текст поучений изящно ритмизован, во многих статьях встречаются внутренние рифмы (гомеотелевты), антитезы, игра словами и значениями.

В содержательном отношении Агапит не предлагает ничего принципиально нового, чего в скрытом виде не было бы уже у Евсевия Кесарийского, однако его «Главы» выгодно отличаются от предшествующих сочинений заострённостью и афористичностью формулировок, в которых ясно и точно выражается авторская мысль. В этом смысле труд Агапита не только отражает политическую идеологию юстиниановской эпохи, но и подводит теоретический итог предшествующему многовековому развитию античной (языческой и христианской) политической мысли.

«Полисная» идеология проявляется лишь в нескольких статьях сборника Агапита. Это прежде всего гл. 1 и 27, трактующие о необходимости для императора подчиняться закону, чтобы служить примером для подданных. Подчинение правителя закону мыслимо только в рамках полисной идеологии, поскольку для зрелой импер-

ской идеологии характерно иное правило: «принцепс свободен от законов» (*princeps legibus solutus*).

В гл. 10 Агапит прямо упоминает «полисы»: подобно кормчему на корабле, ошибка которого может погубить все судно, так же и «правители полисов» могут нанести вред всему государству.

В отличие от «полисной», «имперская» идеология представлена в целом ряде глав, трактующих о разнообразных функциях и обязанностях императора как правителя ойкумены. Так, в гл. 2 упоминается «корабль всемирной империи», в гл. 25 императору рекомендуется «с разумным советом и с усердной молитвой тщательно изыскивать полезное для всего мира». В гл. 46 говорится: «Подобно тому, как око принадлежит телу, так и царь поставлен Богом над миром ради содействия в полезном».

Интересный совет содержится в гл. 4: «Никто да не кичится знатностью рода, ибо родоначальник у всех один – прах». «Итак, да не кичимся происхождением из праха, а будем уважаемы за порядочность нравов». Именно в рамках имперского универсализма лишается значения благородство происхождения, игравшее большую роль в идеологии полисной аристократии, и на первое место выходят нравственные и деловые качества, необходимые для продвижения по имперской бюрократической лестнице.

В гл. 48, 49 императору рекомендуется мягкость по отношению к подданным. Подданные возможны, разумеется, только при монархическом государственном устройстве.

Многочисленные главы содержат требования «благочестия императора» (13, 58), подражания Богу в милосердии, человеколюбию и добрых делах (гл. 37, 40, 45, 63). Эти качества идеального правителя носят ярко выраженный христианский характер и встраивают императорскую власть в иерархический мировой и социальный порядок, в котором сакральной функцией императора является репрезентация Христа и осуществление Божией правды на земле. Таким образом, сочинение Агапита знаменует окончательное формирование в Византии концепции «политической ортодоксии» (Х.-Г. Бек).

А.С. МОХОВ

Уральский государственный университет им. А.М. Горького
(Екатеринбург, Россия)

БАЛКАНСКАЯ ФЕМА СЕРВИЯ

(к вопросу о «малых» византийских фемах в конце X – начале XI в.)

Во второй половине X в. на Балканах, по линии болгаро-византийской границы, были созданы многочисленные «малые» фемы. Некоторые из них (Веррия, Стримон, Другубица, Иоаннополь, Эдесса) появились в правление императоров Никифора II Фоки (963–969) или Иоанна I Цимисхия (969–975) и упоминаются в «Эскуриальском тактиконе». Позднее, при Василии II (976–1025), процесс создания «малых» фем продолжился. В период с 976 по 1018 гг. в источниках упоминаются фемы Сервия, Ларисса, Аркадиополь, Филиппополь и др. Эти небольшие военно-административные единицы входили в состав дукатов Фессалоника или Адрианополь.

В письменных источниках упоминаний о «малых» фемах достаточно много (сочинения Льва Диакона, Иоанна Скилицы, Яхьи Антиохийского, Степаноса Таронаци, Кекавмена). Большинство из них относятся к периоду болгаро-византийских войн. После 1018 г. данные военно-административные единицы в исторических хрониках почти не упоминаются. Кроме того, значительный фактический материал по истории «малых» фем на Балканах дает сфрагистика. Известно несколько десятков печатей стратигов и судей этих фем, причем большинство из них опубликованы в последние годы И. Йордановым.

Структура «малых» фем была достаточно простой. Административный центр фемы располагался в мощной крепости (кастрон). Эти укрепления защищали стратегически важные перевалы, дороги, переправы через реки и создавали передовую линию обороны перед Фессалоникой и Адрианополем. Военные контингенты «малых» фем состояли из гарнизона крепости (регулярные пехотные таксиархии) и отрядов местных стратиотов, которые выполняли вспомогательные функции.

Особую роль «малые» фемы стали играть в период борьбы Василия II с Болгарией. На начальном этапе войны, когда инициатива находилась в руках болгарского царя Самуила (976–1014), некоторые фемы были захвачены болгарами (Ларисса, Веррия, Сервия). Однако главную свою функцию они выполнили – армиям Самуила не удалось захватить Фессалонику, потратив силы и время для осады хорошо укрепленных административных центров «малых» фем. После перехода Василия II в контрнаступление (1000/1001 г.), «малые» фемы стали основными опорными пунктами для византийских войск. Здесь накапливались силы, располагались запасы продовольствия и материальных ресурсов, содержались пленные и пр. Примечательно, что по мере отвоевания византийских территорий, захваченных Самуилом в 80–90-е гг. X в., в освобожденных районах «малые» фемы воссоздавались. Аналогичные процессы происходили и на оккупированных болгарских территориях (создание фем Преслав, Дристра, Триадица и др.).

Наиболее полно, на настоящий момент, из «малых» византийских фем на Балканах исследована история фемы Сервия (В.Г. Васильевский, С. Кириакидес, В. Лоран, Г.Г. Литаврин, В.С. Шандровская). О Сервии несколько раз упоминает Иоанн Скилица, дважды подробно о ней пишет Кекавмен. По сфрагистическим данным известны четверо стратигов Сервии (все моливдовулы датируются издателями концом X – началом XI в.).

На основании данных вышеупомянутых источников можно проследить основные этапы существования фемы Сервия:

1. 976 (?) – 989/990 г. Время создания «малой» фемы с центром в крепости Сервия. Эта крепость защищала стратегическую дорогу из Лариссы в Веррию и Фессалонику, а также контролировала значительную часть долины р. Галиакмон (Вистрица). Постоянный гарнизон крепости насчитывал до двух таксиархий (около 2000 человек).

2. В 989/990 г. болгары после длительной осады захватили Сервию. Потеря этой крепости, а также Веррии и Острова создала предпосылки для наступления болгар на Фессалонику в 991 г. Византийские войска отразили это нападение с большим трудом. Под контролем Самуила Сервия оставалась до 1000/1001 г., когда болгарский комендант крепости Никулица, в обмен на титул патрикия, сдал ее императорским войскам.

3. 1000/1001 – 1018 гг. Восстановление в Сервии «малой» фемы. Неудачная осада крепости болгарской армией под командованием царя Самуила (1002 г.). В 1018 г. военачальник Василия II Никифор Ксифий разрушил укрепления Сервии и все «твердыни» в этом районе. В более позднее время фема Сервия в источниках не упоминается. Есть основания предполагать, что укрепления города были восстановлены только во второй половине XIII в.

Следовательно, фема Сервия существовала очень непродолжительное время (976–990, 1001–1018 гг.). После присоединения Болгарии и переноса византийской границы на Дунай, необходимость в сохранении данной административной единицы исчезла. Показательно, что была ликвидирована не только фема, но и разрушены оборонительные сооружения крепости Сервия. По всей видимости, византийские власти не считали возможным содержать в крепостях данного района постоянные гарнизоны, а оставлять мощные укрепления без военных сил было опасно из-за неблагонадежности местного населения. Отметим также, что подобная участь постигла не только Сервию (фему и крепость), но и Веррию, Соск, Остров, Моглены и Водену. «Малые» фемы в западной части дуката Фессалоника, сыгравшие значительную роль в период войн с Самуилом, прекратили свое существование.

А.Е. МУСИН

Институт Истории материальной культуры
(Санкт-Петербург, Россия)

**НОВЫЕ НАХОДКИ ХЕРСОНО-ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ
В ДРЕВНЕЙ РУСИИ ОСОБЕННОСТИ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА И ПЕРИФЕРИИ**

За последние несколько лет, на территории Северной Руси в результате систематических раскопок и археологических разведок было найдено несколько медных херсоно-византийских монет (термин введен в научный оборот А.В. Орешниковым), отлитых в правление императора Василия I Македонянина (867-886). Для монет первого правителя Македонской династии с литерой «бета» на лицевой, как мы все же полагаем, и весом от 2 до 7 г характерно низкое качество металла, где медь и свинец присутствуют в сплаве как 72% и 22%, а прочие примеси представлены свинцом, цинком и оловом. Современные исследователи преимущественно относят разные варианты монет с «бетой» и крестом ко времени 879-886 гг., Впрочем, П. Виттинг, И.И. Толстой и А.В. Орешников датирует эти монеты временем всего правления Василия Македонянина (867-886), тогда как Ж. Сабатье, наоборот, предполагали более раннюю датировку для этого выпуска (867-869 гг.).

К середине 1960 г. А.М. Гилевич было учтено 2685 монет императора Василия, отлитых за 19 лет его правления. До сих пор большинство известных монет за пределами Херсонеса являлись случайными находками и происходили из общественных и частных коллекций. Известно, что медные монеты императора Василия, пусть в небольших количествах, но обязательно участвуют в кладах и комплексах X в., в том числе и на территории Киева. В.В. Крапоткин писал, что в северные районы эти монеты» в X в. практически не проникали. Тем более интересными представляются новые находки, найденные при археологических раскопках. Монета, которая может быть отнесена к I выпуску, найдена в полевом сезоне 2007 г. на Рюриковом Городище

в темно-сером слое заполнения рва второй половины IX - X вв. (НОЭ-07-РГ-280; кв.54а, гл. от -2,1 до -2,3м). При исследовании кузнечно-ювелирной мастерская пойменной части Гнездовского поселения в яме 4в, предшествующей собственно появлению мастерской, была найдена монета с литерами «бета+» на лицевой и с буквами «ΠΟ» на оборотной стороне. Она относится некоторыми исследователями к раннему периоду царствования Василия (сентябрь 867 - ноябрь 869 гг.). Лепная керамика и бусинные находки позволяют говорить, что формирование комплекса относится ко времени не ранее конца 920 - начала 930-ых гг., однако наблюдения за распространением крупного рубленного бисера, проводимые Я.В. Френкелем, не исключают возможности удрвнения даты как самих бус, так и, следовательно, всего комплекса. Стоит отметить, что из этого же комплекса происходит и монета императора Юстиниана II (685-696, 705-711 гг.). Сама яма, по предположению автора раскопок В.В. Мурашевой, могла носить культовый характер. В Курском Посеймье были найдены монеты 1 и 3 выпусков в подъемных материалах I Бесединского Ратского комплекса IX-X вв. До этого были известны монеты с территории Владимира, где, по мнению Н.Н. Воронина, уже в IX-X вв. существовало «значительное торгово-ремесленное поселение». В 1889 г. Н.Ф. Беляшевский в Киеве на своей усадьбе на Мало-Владимирской улице при раскопках нашел «колониальная медную византийскую монету» Василия Македонянина.

Возникает вопрос о времени проникновения на Русь интересующего нас типа монет, как и о времени их обращения вообще. Полностью соглашаясь с авторитетным мнением, что литые херсоно-византийские монеты являлись платежными средствами при совершении актов международной торговли, стоит все же признать, что они, прежде всего, обеспечивали монетное обращение внутри самого Херсонеса. Исследователи отмечают их низкие стоимость и покупательную способность, что, по их мнению, связано как с качеством металла, так и с особенностями ценообразования в Византийском Крыму. Соответственно, время обращения этих монет представляется весьма ограниченным.

Происхождение ряда монет императора Василия из кладов второй половины X в. вряд ли помогает решить этот вопрос. Считается,

что клады длительного накопления указывают не столько на длительность обращения старшей монеты, сколько на период сложения такого клада. Это может свидетельствовать о, возможно, достаточно быстром выпадении монет из числа средств платежа. Определенные соображения о кратковременном обращении херсоно-византийских монет дают наблюдения за их совстречаемостью в костницах, вскрытых в комплексе «базилики в базилике». Все интересующие нас могилы были родовыми комитириями, вобравшими в себя погребения нескольких поколений. В могиле № 7, где было найдено несколько монет императора Василия I **разных типов, монеты периода Льва и Александра (886-911 гг.)**, а так же монета императора Романа II (959-963 гг.) сохранилось 58 черепов. В могиле № 13 среди 60 черепов были встречены 2 монеты императора Василия I и **монеты Константина и Романа**. В могиле № 19, расположенной в нартексе древней базилики, возможно, самой ранней, были найдены монеты императора Василия трех разных типов. Здесь зафиксировано всего 14 черепов. Очевидно, что обращение монетного чекана каждого императора соответствует жизни поколения и вряд ли много превышает пределы его правления: новые усопшие отправляются в иной мир с «оболами Харона», чеканенными новыми императорами.

Таким образом, сегодня, благодаря новым находкам «колониальных» монет времени первого императора Македонской на территории Руси, системность их проникновения на север представляется очевидной. В то же время херсоно-византийские монеты, в силу их низкой стоимости, должны были выпадать их обращения и попадать в культурный слой отдаленных поселений спустя непродолжительное время после их выпуска. Их обращение в качестве средства международной торговли могло быть характерным лишь для начальных этапов торговых отношений: низкая «котировка» монеты должна была быть понята контрагентами достаточно скоро, что практически исключало ее дальнейшее участие в платежах при развитии контактов. Возможная непродолжительность обращения этих монет и ареал их распространения в Древней Руси позволяет вновь поставить вопрос о времени и обстоятельствах их появления в ключевых пунктах пути «из Варяг в Греки» уже в конце IX в.

М.А. НИКИФОРОВ

Крымское отделение Института Востоковедения им. А. Крымского
(Симферополь, Украина)

К ВОПРОСУ О ДАТЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ФЕМЫ В КРЫМУ

Сообщение Продолжателя Феофана о т.н. миссии Петрона Каматира породило обширную дискуссию ученых связанную, главным образом, с установлением дат следующих событий: прибытия хазарского посольства в Константинополь, строительства крепости Саркел и учреждения фемы в Крыму. Наиболее популярной на данный момент является гипотеза К. Цукермана датирующего переговоры византийского императора Феофила с хазарскими послами 839 г., а строительство Саркела и учреждение фемы в Крыму 841 гг.

Однако в предположении К. Цукермана присутствует как минимум один существенный недостаток – хронологическая путаница. В труде Продолжателя Феофана пассаж о хазарском посольстве и миссии патрикия Петроны Каматира помещён перед рассказом об удачном походе Феофила на Запетру и Самосату, уверенно датируемым учёными 837 г, и ответном нападении арабов на Аморий состоявшемся в 838 г.

В сочинении самого Продолжателя Феофана никакой путаницы в изложении хронологии византийско-арабских войн времён императора Феофила, как представляется, нет. Первый поход, описанный византийским историком, окончился поражением Феофила. Он находит подтверждение в арабских источниках и датируется 830 г. В следующем году Феофил снова выступил против арабов и одержал победу. Этот поход также упоминается арабскими хрониками и датируется учёными 831 г. Затем, весной Феофил снова собрал войско и выступил против арабов и был разбит. Эти боевые действия логично датировать 832 г., когда византийский император пытался снять осаду с крепости Лулу. Наконец, «на следующий (833 г.- М.Н.) и агаряне и Феофил выступили друг против друга, но каждый опасался противника и, ничего не совершив, вернулся в свою землю». Как известно

из арабских источников именно в 833 г. арабский халиф ал-Мамун умирает в походе против Византии.

После смерти халифа ал-Мамуна до 837 г. между Византией и арабами не происходит крупных боевых столкновений в Малой Азии. Следующая кампания Феофила в Малой Азии, о которой сообщает Продолжатель Феофана, также датируется 837 г. В следующем, 838 г., арабский халиф Мутасим наносит ответный удар, глубоко вклинивается в пределы Византийской империи и захватывает город Аморий. Это последние византийско-арабские боевые действия, о которых сообщает Продолжатель Феофана.

Таким образом, Продолжатель Феофана излагает хронологически последовательную картину византийско-арабских войн, подтверждающуюся данными арабских источников. При этом в отступлениях, посвящённых участникам и событиям того или иного похода, которыми византийский историк дополняет свой рассказ, последовательная хронология зачастую не соблюдается. В тексте хроники немало примеров, когда автор вспоминает уже прошедшие события или забегают в своём повествовании вперёд. Информация об интронизации Иоанна Грамматика, по-видимому, и является одним из таких примеров.

Переговоры Феофила с хазарами произошли на следующий год после кампании 832 г., а не через год после интронизации Иоанна Грамматика, как принято считать. Описывая кампанию 832 г. Продолжатель Феофана упоминает имя «полководца Мануила», отвлекается от хронологии византийско-арабских войн, и начинает рассказ о нём: о его переходе к арабам, и возвращении, при посредничестве Иоанна Грамматика, в Византию. Упомянув в этом рассказе имя Иоанна Грамматика, византийский историк повествует о его рукоположении и магических гаданиях. Закончив рассказ о Мануиле и Иоанне Грамматике, автор Хронографии снова возвращается к изложению событий византийско-арабской войны.

Итак, из хронологии византийско-арабских войн изложенной Продолжателем Феофана следует, что Феофил принял хазарское посольство в Константинополе после похода 833 г. Следовательно, учитывая организационные мероприятия и время на дорогу, строительство крепости Саркел и учреждение византийской фемы в Крыму

произошло не ранее 834 г. Так как рассказ о миссии Петроны Каматира помещён Продолжателем Феофана между военными кампаниями 833 г. и 837 г., было бы заманчивым ограничить этим же временем и выполнение самой миссии, однако, более надёжной верхней границей строительства Саркела и учреждение фемы в Крыму представляется 842 г. – год смерти императора Феофила. К сожалению, установить более точную дату этих событий, без привлечения каких-либо новых источников, вероятнее всего, невозможно.

Л.В. СЕДИКОВА

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь)

А. РАБИНОВИЦ

Техасский университет
(Остин, США)

**К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В
ХЕРСОНЕСЕ
ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.**

Вопрос о дате и причинах разрушения Херсонеса обсуждался в ряде работ, посвященных истории Херсонеса (Херсона) поздневизантийского периода. На протяжении длительного времени в историографии превалировала гипотеза А.Л. Якобсона о разрушительных набегах татаро-монгольских войск в конце XIII и конце XIV вв. Материалы раскопок 70-х – 80-х гг. XX столетия позволили исследователям значительно уточнить дату пожара и сокрушительного разрушения, положившего конец существованию значительной части города. Ряд исследователей (С.Г. Рыжов, Л.А. Голофаст, Ю.П. Калашник и др.) предположили, что это могло произойти в третьей четверти XIII в. В.Л. Мыц отнес трагические события к 1278 г и связал их с монгольским походом под командованием Ногая. Предложенная Н.М. Богдановой альтернативная гипотеза: дата – 1223 г, и событие – сельджукское нашествие, была подвергнута критике как с исторической, так и с археологической точек зрения. В частности, археологической составляющей критики являлась датировка материалов из слоя разрушения, которая, по мнению авторов (В.Г. Ченцова, А.В. Сазанов), не соответствовала второй четверти XIII в.

Совместный проект Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Института классической археологии Техасского университета в Остине, при поддержке Института Гуманитарных исследований Паккарда, включает раскопки и исследование материалов жилого квартала в Южном районе Херсонеса. Раскопки участка показали, что наиболее представительными являются слои разрушения квартала,

состоявшего из трех усадеб. Центральным сооружением комплекса 1 являлась таверна, жители комплекса 2 занимались заготовкой рыбы, в состав комплекса 3 входила торговая лавка с кладовой. Южную часть внутреннего двора занимала церковь.

Характер разрушений не оставляет сомнений в том, что это было насильственное разрушение. Пожар, охвативший ряд помещений вдоль поперечной улицы, видимо был спровоцирован поджогами, не затронувшими внутренние ряды помещений. Не захороненный скелет женщины, найденный на улице под обломками крыши, также свидетельствует о насильственном разрушении.

Корреляция циклов бытования датирующих археологических материалов из слоя разрушения квартала, а также из ряда синхронных комплексов Херсонеса, сделанная на основе современных аналогий, позволяет заключить, что разрушение произошло, по всей вероятности, во второй четверти XIII в. **Несмотря на отсутствие достоверных исторических свидетельств о нападении турков-сельджуков на Херсонес, результаты обработки материалов из слоев разрушения позволяют предположить, что гипотеза о сельджукском нашествии 20-х гг. XIII в. может быть более вероятной, чем идея о татарской экспансии 70-х гг.**

В.А. СИДОРЕНКО

Крымское отделение Института Востоковедения им. А. Крымского
(Симферополь, Украина)

КЛАДЫ МОНЕТ, СВЯЗАННЫЕ С ПРЕБЫВАНИЕМ В ТАВРИКЕ РИМСКОГО ВОИНСКОГО КОНТИНГЕНТА

Клад римских денариев был найден на участке поля к северо-западу от села Репино Бахчисарайского р-на вблизи археологического памятника, известного как скифское городище. По имеющимся сведениям изначально он был заключен в сосуд, фрагменты которого вместе с монетами сосредотачивались на небольшом участке, раскопанном находчиками с целью поиска монет. Шурф археологически не доследовался, но на поверхности его засыпи находился фрагмент амфоры, указывающий на наличие культурного слоя. В апреле 2003 г. 38 монет, происходящих из этого клада, оказались доступны для исследования: Фаустины Старшей – 1, Марка Аврелия – 2, Септимия Севера – 11, Юлии Домны – 8, Геты (цезаря) – 4, Каракаллы – 11, Элагабала – 1. Младшая монета клада датируется 220-221 гг.

В Юго-Восточном Крыму, известны несколько аналогичных кладов денариев:

1) дер. Чокурча (совр. с. Луговое Симферопольского р-на), состоявший из 22 денариев от Нерона до Каракаллы (Кропоткин 1961, № 609);

2) Неаполь Скифский – 130 монет, по одной Александра Македонского и Лиссимаха, остальные – денарии от Нерона до Макрина (Кропоткин 1961, № 622);

3) деревня Биэль (совр. с. Дорожное Бахчисарайского р-на) – 150 денариев от Тита до Элагабала (Кропоткин 1961, № 573);

4) Кадыковка-Балаклава – 57 денариев от Виттелия до Юлии Маеи (Филиппенко, Алексеенко, 2000, р. 167-175, taf. 12-15).

Незначительно предшествующими по датировкам нашему кладу являются клады из Чокурчи (Луговое) и Неаполя Скифского, на более поздние монеты которых относятся ко времени Каракаллы

(211-217) и Макрина (217-218). Однако по своему характеру оба они принадлежаткладам длительного накопления, что отличает их от тех, которые отражают состав монетного обращения на момент сокрытия клада. Подобное отличие наглядно предстает в сравнении составов кладов римских денариев в табл. 1.

Табл. 1

Датировки монетных выпусков по правлениям эмитентов	дер. Чокурча 1890 г.	дер. Биэль, 1896 г.	Кадыковка-Балаклава, 1992 г.	с. Репино, 2003 г.
Нерон (54-68)	1			
Веспасиан (69-79)	4	2		
Домициан (81-96)	4	1		
Нерва (96-98)		1		
Траян (98-117)	1	4		
Сабина (128-136)		1		
Вителлий (136-138)			1	
Адриан (117-138)	4	5		
Фаустина Старшая	2	2	1 (141 г.)	1
Антонин Пий (138-161)	8	1	1 (152 г.)	
Луций Вер (161-169)				
Фаустина Младшая (161-175)	2	1	1 (166 г.)	
Марк Аврелий (161-180)	4	10	1 (174 г.)	2
Комод (177-192)	2		1 (191 г.)	
Луцилла (164-169)	1	2		
Септимий Север (193-211)	5	45	21	11
Юлия Домна (193-211)		11	6	6
Юлия Домна (211-217)			1	2
Гета цезарь (198-209)	1	15	4	4
Гета август (209-211)			1	
Каракалла (198-217)	5	18	14	11
Плавтилла (202-205)	1	4		
Макрин (217-218)	1			
Элагабал (218-222)		18	2	1 (220-221 г.)
Юлия Созмия (220-222)	1			
Александр Север (222-235)			1 (223 г.)	
Юлия Мамея (222-235)			1 (224 г.)	
Всего	47	141	57	38

В составе клада из окраины с. Репино отмечается наличие еди-

ничных монет предшествующих династии Северов выпусков – Фаустины Старшей и Марка Аврелия (161-180 гг.). В кладе из Балаклавы, содержавшем 57 монет (от Виттелия до Юлии Мамеи), чеканки предшественников Септимия Севера также были представлены единичными экземплярами (Вителлий, Антонин Пий, Фаустина Старшая, Марк Аврелий, Луций Вер, Коммод). Чеканка же времени Септимия Севера (193-211 гг.) и членов его семьи в составе клада отличалась разнообразием типов и составляла 89,5% общего числа монет клада. Подобно тому, в кладе из окраины с. Репино монеты этих императоров составляли 94,6% общего числа. В кладе 1896 г., найденном близ дер. Биэль, денарии Септимия Севера и последующие представляли 86 % его состава. В этих кладах прослеживается закономерное уменьшение монет предшествующих Септимию Северу эмиссий (14%-10,5%-5,4%) по мере уменьшения общего числа монет в кладах (141-57-38).

Клад из Балаклавы по датировке младшей монеты оказывается на три-четыре года позднее клада из окраины с. Репино, но незначительное расхождение в абсолютных датах с учетом, что в обоих кладах монеты последних лет представлены единичными экземплярами, не столь существенно на фоне значительного сходства их составов. В таблице 2 составы двух кладов сравниваются по годам выпуска монет.

Табл. 2

гг. н.э.	Мастер- ская	Клад Репино, 2003 г.		Клад Кадыковка-Балаклава, 1992 г.		Примечания
		Кол- во	№№ по описи	Кол- во	№№ по описи (Фи- липпенко, Алексеевко, 2000, с. 172).	
69	Рим			1	№ 1 (Вителлий)	
141	Рим			1	№ 3 (Фаустина Стар- шая)	
147<	Рим	1	№ 1 (Фаусти- на Старшая)			
152	Рим			1	№ 2 (Антонин Пий)	
162	Рим	1	№ 2 (Марк Аврелий)			
166	Рим			1	№ 5 (Луций Вер)	

172	Рим	1	№ 3 (Марк Аврелий)			
174	Рим			1	№ 4 (Марк Аврелий)	
191	Рим			1	№ 6 (Коммод)	
194	Эмеса Рим	1	№ 4 (Септимий Север)	1	№ 7 (Септимий Север)	
195	Рим			2	№ 8 (Септимий Север) № 28 (Юлия Домна)	
196	Лаодикия Рим	1	№ 15 (Юлия Домна)	2	№ 9 (Септимий Север) № 35 (Каракалла цезарь)	
197	Лаодикия Рим	1	№ 16 (Юлия Домна)	2	№№10-11 (Септимий Север)	
198	Рим	1	№ 17 (Юлия Домна)	2	№ 31 (Юлия Домна) № 12 (Септимий Север)	однотипны
199	Лаодикия Рим	2	№ 5 (Септимий Север) № 22 (Гета цезарь)	3	№ 13 (Септимий Север) № 50 (Гета цезарь) № 37 (Каракалла)	однотипны однотипны
200	Рим	3	№№ 26-27 (Каракалла) № 23 (Гета цезарь)	1	№ 36 (Каракалла)	
201	Рим	3	№№ 6-7 (Септимий Север) № 18 (Юлия Домна)	4	№№14-15 (Септимий Север) № 33 (Юлия Домна) № 39 (Каракалла)	однотипны однотипны
202	Рим	1	№ 24 (Гета цезарь)	1	№ 49 (Гета цезарь)	
203	Рим	2	№ 19 (Юлия Домна) № 25 (Гета цезарь)	1	№ 29 (Юлия Домна)	
204	Рим	4	№№ 9-11 (Септимий Север) № 28 (Каракалла)	3	№№16-17 (Септимий Север) № 38 (Каракалла)	однотипны

205	Рим	2	№№ 29-30 (Каракалла)	2	№ 21 (Септимий Север) № 40 (Каракалла)	одно- типны
206	Рим	1	№ 20 (Юлия Домна)	1	№26 (Септимий Север)	
207	Рим	3	№№ 11-13 (Септимий Север)	9	№№18-20, 22, 23 (Септимий Север) №№ 42-43 (Каракал- ла) №№ 51-52 (Гета цезарь)	одно- типны
208	Рим	1	№ 21 (Юлия Домна)	1	№ 24 (Септимий Север)	
209	Рим	1	№ 14 (Септи- мий Север)	3	№ 25 (Септимий Север) № 30 (Юлия Домна) № 41 (Каракалла)	
210	Рим			3	№ 27 (Септимий Север) № 32 (Юлия Домна) № 44 (Каракалла)	
211	Рим			1	№ 53 (Гета)	
213	Рим	2	№№ 31-32 (Каракалла)	2	№№ 45-46 (Каракалла)	
214	Рим			2	№ 34 (Юлия Домна) № 48 (Каракалла)	
215	Рим	2	№№ 33-34 (Каракалла)			
216	Рим	3	№№ 35-36 (Каракалла) № 37 (Юлия Домна)	1	№ 47 (Каракалла)	одно- типны
219	Рим			1	№ 54 (Элагабал)	
220- 221	Рим	1	№38 (Элага- бал)	1	№ 55 (Элагабал)	
223	Рим			1	№ 56 (Север Александр)	
224	Рим			1	№ 57 (Юлия Мамея)	
Все- го:		38		57		

Для обоих кладов характерно преобладание чеканки монетного двора Рима, а представленные единичными экземплярами монеты Лаодикии 199 г., чеканенные от имени Септимия Севера, встречаются в обоих кладах. Клады объединяет прекрасная сохранность монет 196-224 гг., указывающая на неучастие их в обращении и сокрытие в годы, близкие датам младших монет. В обоих кладах непрерывным рядом представлены выпуски 196-209 гг., а количественные пики приходится на годы 199, 201, 204, 207. Обращает на себя внимание отсутствие в кладе у с. Репино монет чеканок 210 и 214 гг., создающее лакуны в хронологическом ряду, каковые отсутствуют в кладе из Кадыковки, но это кажется возможным объяснить неполным составом клада, оказавшегося доступным для исследования. В целом же комплектация обоих кладов обнаруживает разительное сходство, подкрепляемое также и наличием совместной встречаемости в них 8 типов монет, которые в количественном отношении совпадения типов составляют: для клада Кадыковка-Балаклава –13 экз.(22,8%), клада у с. Репино –16 экз.(42,1%).

Сходство подкрепляется и тем, что оба клада найдены на территории римских военных лагерей, каковыми являются как исследованная раскопками римская стоянка в Балаклаве, так, вероятно, и незатронутое исследованиями прямоугольное в плане, огражденное остатками стен и рва укрепление на окраине с. Репино. Неподалеку от места находки клада у с. Репино найдена бронзовая деталь застежки широкого армейского пояса с обломанной или пострадавшей от окисления железной заклепкой. Застежки подобного типа характерны для римского воинского обмундирования, но редки в находках, поскольку чаще изготавливались из железа (например, экземпляры полно сохранившихся поясов в экспозиции Британского музея), не выдерживавшего условий такой окисляющей среды, как культурный слой поселений и городищ. Возможно, по этой причине подобных застежек не отмечается среди находок в Херсонесе, где локализация воинских подразделений Рима в последней четверти II – первой половине III вв. н.э., засвидетельствована эпиграфическими памятниками, керамическими легионными клеймами и подкрепляется находками бронзовых деталей одежной и обувной фурнитуры.

О времени начала дислокации в округе Херсонеса римских

подразделений можно судить по датировке херсонесского декрета 173/174 г. в честь легата Кальпурниана и его супруги, прибывшим, как очевидно, вместе с подразделениями подчиненных легату войск.

К числу кладов, подобных найденным в Кадыковке-Балаклаве и у с. Репино, может относиться еще один клад неизвестных времени и места находки, происходящий, судя по обнаружению его монет в фондах Бахчисарайского заповедника, очевидно из Юго-Западного Крыма. От клада сохранилось 18 денариев, которые ошибочно включены в состав единицы хранения «клад» (119 ед., инв. №№ 5138-5256) вместе с антонинианами клада из с. Долинное Бахчисарайского р-на.

Вероятно, находки в Юго-Западном Крыму подобных кладов, состоящих в основном из не участвовавших активно в обращении и не имеющих следов потертости монет, можно связывать с расквартированием здесь подразделений римских войск, и более конкретно, с выплатами им денежного содержания, осуществлявшимися из единой казны. Последняя пополнялась новыми, не побывавшими в обращении монетами, поступившими в нее в основном непосредственно с монетного двора Рима, что и отличало монеты кладов безукоризненной сохранностью, с преобладанием эмиссий Рима.

Очевидно, что с дислокацией римских войск связаны и единичные находки денариев, не участвовавших в обращении и представленных отличной сохранностью. При раскопках Е.В. Веймарна на городище Альма-кермен (с. Заветное Бахчисарайского р-на) были найдены три денария: Антонин Пий 138 г., Каракалла 200 г., Каракалла 210-217 гг.. При раскопках римской крепости Харакс на мысе Ай-Тодор в конце XIX в. находки римских денариев составляли в общей сложности 82 экземпляра, в числе которых наибольшее число приходилось на правления Септимия (11 экз.) и Александра (11 экз.) Северов, а наиболее поздним являлся денарий Гордиана III. К таковым же, связанным с дислокацией римских подразделений в Таврике, принадлежат, вероятно, найденные в 2003 г. при раскопках А.Г. Герцена на плато Мангупа денарии Септимия Севера и Гордиана III, отличающиеся отличной сохранностью без следов потертости.

После перерыва в начале правления Гордиана III выпуск денариев осуществлялся в 240-243 гг.

Выпуск антонинианов, начавшийся в 214 г. при Каракалле, при Александре Севере был приостановлен, что, возможно, диктовалось невосприимчивостью армии к новому номиналу, приравниваемому к двум денариям. До времени Гордиана III, как очевидно, плата подразделениям римской армии осуществлялась только в денариях. Переход к выплате воинским подразделениям антонинианов, произошедший со времени Гордиана III, хорошо прослеживается по находкам в Таврике антонинианов. В это время, как можно заключить, происходит реорганизация воинских подразделение с заменой регулярной армии федератами. Монетная часть клада из с. Долинное Бахчисарайского р-на, сокрытого после 251 г., состояла исключительно из антонинианов, причем, включала в себя единичные экземпляры наиболее ранних в кладе выпусков Каракаллы и Элагабала. Варварский характер клада, определяемый наличием в его составе серебряной фибулы, отмечался его издателями. Клад из Долинного является наиболее поздним из найденных в Юго-Западном Крыму кладов, которые могут непосредственно связываться с выплатами жалования федератам.

В.П. СТЕПАНЕНКО

Уральский государственный университет им. А.М. Горького
(Екатеринбург. Россия)

ФЕРС ЦОЦИКИЙ, АНТИПАТ, ПАТРИКИЙ И СТРАТИГ КАППАДОКИИ

В одной из частных сфрагистических коллекций в Москве хранится печать Ферса Цоцикия. По свидетельству находчиков она найдена в 90-е гг. XX в. в Херсонесе в береговой полосе городища во время одного из штормов. Аналогичный экземпляр, но другой пары матриц находится в собрании **Dumbarton Oaks**.

Собственник печати Ферс, сын Цоцикия - Джоджика остался неизвестным издателям вашингтонского экземпляра. Но о нем и его родственниках сообщают грузинские, армянские и византийские хронисты, что является исключением из правил для последних, так как обычно деятели этого уровня остаются вне поля их зрения.

Его отец упомянут Степаносом Таронаци при описании событий 976 г., когда во время мятежа Варды Склира в Византии по просьбе императора Василия II владетель Тао-Тайка (Южная Грузия, ранее Армения, ныне Турция) Давид Багратид, «собрав иверийские войска под начальство ишхан ишханац Джоджика, отправил (их) с Торником на войну против тирана Варда». В 989 г., Давид поддержал мятеж Варды Фоки и после его поражения под угрозой вторжения византийских войск был вынужден завещать все свои, владения империи (990).

В 1000 г. Давид был отравлен и его владения на основании договора 990 г. были аннексированы Василием II. **Описывая данные события**, Скилица смешивает два хронологических пласта - события 1000 и 1021/22 г. Тем не менее, очевидно, что в 1000 г., создав на территории Тао византийские фемы, император увел с собой в Византию представителей таосской элиты - «первенствующих по происхождению в Иверии, находящейся под его властью, среди которых особенно выделялись Пакуриан и Февдат и Ферс - братья», получившие саны патрикиев. Маттэос Урхайеци описывая те же события, называет Ваче, Февдата и Ферса. Относительно того были

ли все три персонажа братьями или же это относится лишь к двум последним, не совсем ясно. Большинство исследователей склоняется к тому, что братьями были лишь Февдат и Ферс По видимому, все они получили не только византийские саны и земельные пожалования, но и посты в фемной администрации. И действительно, в 1016 г., когда Василий II вел **военные действия против Болгарии, он получил послание от «стратига Доростола Тотцикия, сына патрикия Февдата ивира»**. Тцоцикий Скилицы, будучи сыном Февдата, вероятнее всего был племянником Ферса. Таким образом, после 1000 г. представители таосской элиты, переселенные в Византию, занимали посты в провинциальной администрации империи.

В 1021 г. началась византийско-грузинская война. Царя Грузии поддержали соседи, в частности, царь Васпуракана Сенекерим Арцруни. Первый этап военных действий завершился поражением Георгия I. **Сенекерим был вынужден передать императору свое государство в обмен на земельные пожалования в районе Севастии, сан патрикия и пост стратига Каппадокии.** Переселение царя произошло не ранее лета 1022 г. К весне 1022 г. война возобновилась. К этому времени против Василия II **созрел заговор. Центр его находился в Малой Азии, так один из его лидеров - стратиг Анатолика Никифор Ксифий, по видимому, находился на территории фемы, как и патрикий Никифор Фока Младший, О заговоре было известно царям Грузии, Ширак Анийского царства и Васпуракана.** Среди заговорщиков хронисты упоминают Давида Арцруни, сына царя Васпуракана Сенекерима, Ферса и его зятя Андроника. То есть, старший сын и наследник Сенекерима к лету 1022 г. скорее всего находится в новых владениях отца в Севастии или Каппадокии.

Мятеж начался в Малой Азии. **Скилица называет фемы Каппадокия, Анатолик и Роданд.** В борьбе за лидерство Ксифий убил Фоку. Ластивертци приписывает это Давиду Арцруни. Последний вовремя перешел на сторону императора и был вознагражден саном магистра и собственными владениями в Малой Азии. Скилица сообщает, что Ферс убил «четырёх кураторов». В свете данной печати Ферса как стратига Каппадокии можно предположить, что он мог находиться на территории Малой Азии, будучи еще стратигом фемы или незадолго до этого смещенным со своего поста. В этом случае поводом для его

участия в мятеже могла быть именно передача правления Каппадокией Сенекериму Арцруни, как раз к лету 1022 г. водворившемуся в своих новых владениях.

Мятеж был быстро подавлен. «Посланные же императором схватили Перса и его зятя Андроника и доставили в крепость, которая зовется Халтой Арич, на границе Карина... Вывели Перса и Андроника и отсекли им головы. Так приказал сам император, ибо Перс и Андроник, поднимая восстание, вошли в союз с Апхазом (царем Грузии Георгием - *В.С.*) и посулили выделить ему <территорию> до этого места». Остальные заговорщики менее пострадали. Бывший в 1016 г. стратигом Доростола «Тотцикий, сын патрикия Февдата», в заговоре либо не участвовал, либо не пострадал. В 1036 г. патрикий Джоджик был ктитором росписи храма Иоанна Предтечи в Ошки в византийской части Тао, где сохранилась ктиторская надпись и даже портрет заказчика.

Данная печать, как кажется, объясняет репрессии императора в отношении Ферса. К моменту заговора и мятежа он возглавлял одну из основных малоазийских фем и был одним из руководителей заговора или посредником между его лидерами и царями Закавказья, в частности, с Георгием I. Участие Ферса в заговоре после того, как он уже 20 лет прослужил Византии на весьма ответственных постах, свидетельствует о том, что представители элиты аннексированных империей государств «византийской сферы влияния», вошедшие в состав византийской аристократии, не так уж легко мирилась с этим, в определенной степени сохраняя чувства местного патриотизма. Если принадлежавшая Ферсу печать действительно происходит из Херсонеса, то это, безусловно, свидетельствует о контактах кого-то из стратигов фемы Херсон со стратигом Каппадокии Ферсом, сыном Джоджика.

Е.В. СТЕПАНОВА
Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург, Россия)

ЦЕРКОВНЫЕ ИЕРАРХИ ФЕССАЛОНИКИ
(по данным печатей собрания Государственного Эрмитажа)¹

В разных собраниях мира хранится значительное количество печатей высших иерархов церкви Фессалоники, которая, как известно, с 733 г. находилась под юрисдикцией патриархата Константинополя. В коллекции Эрмитажа выявлено семь печатей архиепископов и митрополитов этого города, датированных VII–XI вв. **Часть памятников** впервые вводится в научный оборот. Наибольший интерес представляют ранние печати архиепископов: Льва (VII/VIII в.) и Феодота (VIII в.). На многих моливдовулах помещены изображения главных покровителей Фессалоники: Богородицы и св. воина Димитрия, не раз защищавшего город от нападений врагов. На печатях их нередко изображали вместе.

Из числа печатей митрополитов Фессалоники, входящих в состав коллекции Эрмитажа, следует исключить печать Льва, переизданную по рисунку «Сигиллографии» Г. Шлюмберже В. Лораном (Laurent. Corpus V. no. 460). По-видимому, она принадлежит магистру Льву, родовое имя которого не читается.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Византийские печати с географическими названиями из собрания Государственного Эрмитажа»), проект № 08-01-00318а.

Н.И. ХРАПУНОВ

Крымское отделение Института Востоковедения им. А. Крымского
(Симферополь, Украина)

ВИЗАНТИЙСКИЕ АРХОНТЫ ХЕРСОНА В VIII–IX ВВ.

Согласно ряду источников, в VIII – начале IX в. во главе администрации византийского Херсона находились *архонты*. Вопрос о сути этой должности дискутируется давно, но однозначного решения, которое устроило бы всех исследователей, пока не выработано.

Существующие интерпретации *архонтов Херсона* таковы: это были 1) представители самоуправления (Г. Острогорский, В.Е. Науменко), 2) продукт компромисса между Константинополем и городской общиной (Я. Ферлуга, И.В. Соколова, Л. Маргетич, В. Зайбт, Н. Икономидес, Н.А. Алексеенко), 3) представители Византии, имевшие гражданские полномочия, по происхождению из херсонцев (В. Зайбт), 4) офицеры византийской армии (Дж. Б. Бэри, У. Тредголд), 5) офицеры имперского флота (Э. Арвейлер), 6) коллективное наименование местной администрации, включая ее главу, также называвшегося *архонтом* и имевшего военные, гражданские и фискальные полномочия (С.Б. Сорочан). Отмечу, что гипотезы 4 и 5 отвергнуты из-за противоречия известным фактам.

Источники, упоминающие *архонтов*, делятся на две группы: официальные и неофициальные. К первой относится византийская табель о рангах 842–843 гг., где фигурируют *архонты Херсона*, а также опубликованные к настоящему моменту 82 печати, оттиснутые этими чиновниками (10–15 лицами). Ко второй – восходящий к общему источнику пассаж Константина Багрянородного и Продолжателя Феофана, согласно которому до учреждения византийской фемы при императоре Феофиле (829–842 гг.) Херсоном правили *архонты*, которых хронисты противопоставляют центральной администрации. Также выражение «архонт Херсона» встречается в хрониках Феофана и Никифора в рассказе о событиях в Херсоне в 711 г., но здесь, судя по контексту, слово «архонт» использовано в значении «начальник», «правитель», «лидер» и не обозначает административную должность.

Прямых сведений о принципах назначения и зоне ответственности херсонских *архонтов* (как и *архонтов* большинства других городов и регионов в это время) не сохранилось. Подбор аналогий усложнен тем, что термин «архонт» исключительно широко использовался в византийской административной терминологии и даже в табели о рангах он, по всей вероятности, обозначал должности, имевшие как общие, так и отличные черты.

Источники дают *архонтам Херсона* следующие противоречивые характеристики: их было несколько; они были связаны с местной общиной и в этом качестве противопоставлялись центральной администрации; они упомянуты в имперской табели о рангах; они имели право на печати византийского образца.

«Архонт» – официальное название должности, находившейся во главе администрации города Херсона и окружавшей его одноименной области. Табель о рангах и византийские писатели говорят о том, что это была коллективная магистратура. В других провинциях фиксируется иногда несколько, иногда один *архонт*. Исследователи предпринимали попытки доказать, что в Херсоне одновременно находился один *архонт*. Эти интерпретации остроумны, но заставляют исправлять источники или придумывать им усложненные объяснения.

Генезис должности *архонтов Херсона* теоретически можно связать с коллегией *архонтов*, управлявших городом в первые века нашей эры. Проблему составляет многовековая лакуна между известиями источников об архонтах в Херсоне. Аналогию Херсону в этом отношении может составлять Диррахий. Отмечу также, что по данным источников администрации Херсона свойственен консерватизм: многие позднеантичные должности (*патер, экдик, протевонты*) сохраняются здесь до X в., хотя их содержание, разумеется, менялось со временем.

Византия признавала *архонтов* своими высшими представителями в Херсоне. В этом качестве *архонты* имели право на печать, титул, а их должность фигурировала в официальной табели о рангах. Возможно, право на печать имел лишь глава коллегии. По данным печатей, титулы *архонтов Херсона* были невысоки (13, 12, 11 и 9 сверху в списке из 18 ступеней), причем в первой половине IX в. происходит

унификация: все *архонты* этого времени имеют титул *спафария* (11 в списке). В табели о рангах их титул выше, что, видимо, отражало некое теоретическое пожелание.

О наличии у *архонтов* военных и фискальных функций прямых сведений нет. Император либо назначал *архонтов* из херсонской знати, либо утверждал предложенные ею кандидатуры. Местное происхождение и длительный срок службы способствовало формированию неформальных и формальных связей *архонтов* с херсонской общиной. Свою должность *архонт* мог занимать много лет. О размере и порядке выплаты *архонтам* жалования не известно ничего. По данным табели о рангах, после отставки *архонты* продолжали участвовать в управлении Херсоном, вероятно, входя в совет знати.

После административной реформы императора Феофила и учреждения византийского военно-административного округа (*фемы*) в Таврике пост *архонтов* сохранился, но был переподчинен наместнику фемы, *стратигу*. Аналогии обнаруживаем в *фемах* Халдии, Диррахия и Крита. Полномочия *архонтов* постепенно перешли к чиновникам администрации *стратига*. В результате пост *архонтов* был ликвидирован. Это произошло не позднее конца столетия, возможно даже в третьей его четверти.

А.В. ШАМАНАЕВ

Уральский государственный университет им. А.М. Горького
(Екатеринбург, Россия)

**ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ
В «ЗАПИСКАХ ОДЕССКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И
ДРЕВНОСТЕЙ»**

Одесское общество истории и древностей, созданное в 1839 г., внесло большой вклад в изучении истории и археологии Северного Причерноморья. Не смотря на региональную направленность научно-исследовательской деятельности этой организации, члены общества обращались к широкому кругу исторических проблем. В наиболее полном виде результаты изысканий членов ООИД отражены на страницах «Записок», издававшихся с 1844 по 1919 г. Всего вышло 33 тома, состоящие из почти 1700 печатных листов и включающих около 1000 публикаций различного рода.

Изучение истории Византии не входило в число приоритетных направлений деятельности ООИД. Тем не менее, на страницах «Записок» можно найти более 60 публикаций, связанных с византиноведением. Обращение членов общества к данной проблематике обуславливалось тем, что Северное Причерноморье, особенно Крым, исторически были тесно связаны с Византийской Империей. При создании ООИД были определены задачи общества, в том числе, предполагалось, что его члены займутся: «снятием на план мест, занимаемых «развалинами» древних городов, крепостей, укреплений, башен, городских стен, храмов...» и др., а также «извлечением из древних авторов... всего, что сказано было ими о странах к Южной России принадлежащих». Кроме того, в состав общества входили известные византинисты, например, Ф.И. Успенский, Н.П. Кондаков, Антонин (А.И. Капустин) и др., публиковавшие свои работы в «Записках» ООИД.

По содержанию публикации византиноведческой тематики можно, условно, подразделить на 4 группы: публикации письменных источников и их переводов; публикации эпиграфических, сфрагисти-

ческих и нумизматических материалов; статьи и заметки по вопросам истории и археологии Крыма; статьи по общим вопросам.

Серия публикаций письменных памятников была начата во 2 томе «Записок» (1848) изданием текста и перевода гл. 53 сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей», посвященной истории крымского Херсона. Перевод Н.П. Протопопова не содержит комментариев и, даже, ссылки на источник греческого текста. Впоследствии редакция «Записок» обращалась к публикации агиографических произведений, имеющих отношение к истории христианства в Крыму. Так, были напечатаны текст «Страданий священо-мучеников херсонских... Василевса, Капитона...» и его перевод С.А. Семеновича (т. 7), житийные сказания о священомученике Ефреме и апостоле Клименте (т.9, перевод Зикоса), «Мучение св. Климента (т. 10, перевод Ф.А. Терновского), житие Иоанна Готского (т. 13, перевод А.В. Никитского). Переводы осуществлялись с рукописей XI-XII в. из Синодальной библиотеки. Следует отметить, что комментарии к ним становились все более обширными и содержательными. Среди других публикаций источников можно особо отметить подборку актов константинопольского патриархата (изданы в 1860 г. в Вене), относящихся к истории крымских епархий с 1317 по 1396 г. Перевод документов и комментарии были выполнены архимандритом Антоном (А.И. Капустиным). Интерес представляет также издание «Жития Иоанна Готского». Материал был подготовлен профессором Новороссийского университета А.В. Никитским, комментарии В.Г. Васильевского.

Материалы другого рода представляют собой издания памятников эпиграфики, сфрагистики и нумизматики, происходивших преимущественно из археологических раскопок в Крыму. Можно отметить неоднократный интерес к надписи времени императора Зенона из Херсона. Серия публикаций эпиграфических материалов была выполнена В.В. Латышевым. К изучению надписей обращались А.Л. Бертъе-Делагард, В.В. Шкорпил, Э.Р. фон-Штерн. В.Н. Юргевич осуществил издание печатей представителей администрации византийского Херсона (т. 14-15, 21). Специальных исследований по византийской нумизматике в «Записках» не много (заметки Н.Н. Мурзакевича, А.Л. Бертъе-Делагарда). Однако в хрониках деятельности

ООИД регулярно упоминаются монеты, в том числе византийские, поступавшие в музей общества. К сожалению, какие-либо сведения об обстоятельствах этих находок отсутствуют.

Статьи и заметки, относящиеся к крымско-византийским сюжетам, регулярно печатались на страницах «Записок». Они весьма разнообразны по тематике и научному уровню. Одной из первых публикаций такого рода была небольшая работа М.П. Погодина о походе русской дружины на Сурож (Судак) в VIII в. (т. 1). Впоследствии, наиболее популярными стали обращения к истории Херсона (на фоне интереса к обстоятельствам крещения князя Владимира и раскопок на городище) и исследованиям «пещерных городов» Крыма (А.Я. Фабр, П.В. Хавский, Г.Э. Караулов, В.Х. Кондараки, А.Л. Бертье-Делагард и др.).

Работы, относящиеся к общим вопросам византистики в «Записках» ООИД встречаются крайне редко. Можно отметить исследования А.Д. Черткова (из истории походов Святослава против Болгарии), историко-юридический анализ русско-византийских договоров X в. А.В. Лонгинова, сравнительный анализ византийских переходных сказаний и русских летописей Ф.И. Успенского.

Таким образом, публикации по истории Византии в «Записках» ООИД не многочисленны и, как правило, непосредственно связаны с памятниками Северного Причерноморья (Крыма). Однако многие публикации не утратили научного значения до настоящего времени. В целом, эти материалы характеризуют развитие интереса к византиноведению на юге России в контексте деятельности старейшего историко-археологического общества.

Т.Ю. ЯШАЕВА

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь)

ХРАМ НА ДЕВИЧЬЕЙ ГОРЕ В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В районе Юго-восточного загородного некрополя Херсонеса, на плато Девичьей горы, находится интереснейший памятник раннесредневековой эпохи, известный в литературе как «Храм на Девичьей горе». Это один из немногих раскопанных христианских комплексов, расположенных вне оборонительных стен города. Он включал в себя два разновременных храма: Большой и Малый, а также примыкавшие к ним постройки. Памятник был открыт в 1902 г. раскопками К.К. Косцюшко-Валюжинича; публиковался Д.В. Айналовым, А.Л. Бертье-Делагардом, А.Л. Якобсоном, А.И. Романчук, С.Б. Сорочаном и другими исследователями. Незавершенные раскопки памятника породили различные его интерпретации.

В 2006 г. экспедиция средневекового отдела НЗХТ под руководством Т.Ю. Яшаевой провела исследование комплекса. В результате раскопок были уточнены его планировка, датировка и функциональное назначение. Несмотря на неудовлетворительное современное состояние памятника, удалось установить, что храмы по своему архитектурному типу представляли собой простые однефные храмы в плане вытянутой прямоугольной формы.

Время сооружения Большого храма отнесено нами к VII в. Малый храм был построен после разрушения Большого на его руинах, с использованием его строительных материалов. Примером такого рода преемственности в храмовом строительстве в византийском Херсоне является другой широко известный комплекс – так называемая «Базилика в базилике».

Малый храм на Девичьей горе, также как и Большой, имел вытянутые по продольной оси пропорции, но отличался меньшими размерами, трехчастной планировкой и отсутствием в кладке связующего известкового раствора.

Выявленные в процессе раскопок многочисленные фрагменты тарной и столовой керамики свидетельствуют об активной жизни на Девичьей горе и позволяют интерпретировать комплекс как монастырский.

**ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:
«ИМПЕРИЯ» И «ПОЛИС»**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

(російською мовою)

Редактор –упорядник М. Алексеєнко
Комп'ютерна верстка М. Ареф'єв
Коректор О. Денісова

Здано до набору 21.04. 2009. Підписано до друку 05.05.2009.
Формат видання 60x84 1/16. Гарнітура Times.
Обл.-вид. арк. 4,5
Наклад 100 прим.

Надруковано у типографії ПП «Інтерсфера»,
99053, Севастополь, вул. Вакуленчука, 31- В.
Тел.: + 38 (0692) 24 01 84
E-mail: intersfera@sferos.com

